ДЖЕЙМС УИЛЛАРД ШУЛЬЦ

JAMES WILLARD SCHULTZ

James W. Schultz

Ловец Орлов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОКИДЫШЕВЪ И СЫНОВЬЯ

Ловец орлов
Джеймс Уиллард Шульц

Аннотация
Джеймс Уиллард Шульц. Ловец орлов
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая

Аннотация

Однажды на закате солнца в месяц Новой Травы мимо вигвамов проходил Одинокий Человек. За спиной он нес большого орла. Мужчины и женщины громко хвалили его говоря, что само солнце покровительствует Одинокому Человеку – ловцу орлов. Молодой индеец Маленькая Выдра из племени черноногих тоже захотел стать таким же ловким охотником, как Одинокий Человек. Но на пути к заветной мечте его ждет немало трудностей и опасностей.

Джеймс Уиллард Шульц
Ловец орлов

James Willard Schultz
«Seizer of Eagles»
© ИП Воробьёв В. А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

ОТ АВТОРА

Эта история не вымышлена.
Я записал ее со слов индейца Старое Солнце.
Д. У. Шульц

Глава первая

Давно это было, очень давно, в дни моей юности. Однажды на закате солнца, в месяц Новой Травы, увидели мы Одинокого Человека, проходившего мимо вигвамов. За спиной он нес большого орла. Был он рослым и стройным — этот Одинокий Человек. Когда он шел, трепетали за его спиной широко распростертые крылья орла, топорщился над его головой широкий орлиный хвост из красивых перьев, белых с черными кончиками, а голова птицы спускалась к его коленям.

Опустив глаза, проходил он мимо вигвамов, а мужчины и женщины громко хвалили его и говорили друг другу:

— Солнце покровительствует Одинокому Человеку, ловцу орлов.

Мы с бабушкой сидели у входа в наш бедный маленький вигвам. Когда Одинокий Человек поравнялся с нами, бабушка воскликнула:

— О Солнце, будь милостиво к ловцу твоих священных птиц, парящих в далекой синеве! Пошли ему долгую и счастливую жизнь!

Ловец улыбнулся ей ласково и глубоким звучным голосом сказал:

— Благодарю тебя, старшая сестра, за доброе пожелание.

О, как обрадовались мы, услышав эти слова! Он не был нашим родственником и происходил из другого клана; однако бабушку мою он назвал своей сестрой, хотя мы были беднейшими во всем лагере.

Я видел, как он вошел в свой красивый вигвам. На белой кожаной покрышке этого вигвама были нарисованы черной краской четыре больших бизона, а ниже — черные вороны.

Повернувшись к бабушке, я сказал:

— Я хочу быть, как и он, ловцом орлов.

— Ну, что же... Может быть, ты и будешь ловцом, когда доживешь до его лет, — отозвалась она.

— О, я не могу так долго ждать! — воскликнул я. — Ловцом орлов я хочу стать теперь, пока я молод.

— Не говори глупостей! — прикрикнула на меня бабушка. — Ты прекрасно знаешь, что юноши и подростки даже и не пытаются браться за такое опасное дело. Только жрецы Солнца, да и то немногие, становятся ловцами орлов.

Солнце спустилось за высокую гору, на вершине которой еще лежал зимний снег. О, как хотелось мне, подобно далекому нашему предку, «человеку со шрамом на лице», найти путь к тому дальнему острову, где живет Солнце! Я попросил бы Солнце дать мне какой-нибудь могущественный талисман и с помощью этого талисмана научился бы ловить орлов.

Стало холодно. Мы вошли в наш вигвам, где моя мать поджаривала на угольях мясо бизона.

Два года назад мы были богаты, и мой отец заботился о том, чтобы не истощались в вигваме запасы мяса, шкур и мехов. Лошадей у нас было больше полусотни. Потом отец пошел воевать с ассинибойнами; он повел отряд в семь человек, и ни один из них не вернулся в лагерь. Как мы оплакивали его, как часто о нем вспоминали! Вскоре после этого мы потеряли всех наших лошадей — неприятельский отряд угнал их как-то ночью.

Когда погиб отец, забота о пропитании нашей семьи перешла ко мне, а видел я тогда только шестнадцать зим.

Многие воины нашего племени хотели взять в жены мою мать и заботиться о нас троих, но она отказала всем. Она говорила, что никогда не забудет мужа, который ушел в страну Песчаных

Холмов.

Нашлись добрые люди, пожалевшие нас. Они дали нам лошадей. Это были жалкие старые клячи, но на них мы могли перевозить наш вигвам и все имущество, когда племя снималось с лагеря. Я стерег на пастбище чужие табуны, и за это нам давали мясо и изредка шкуры бизонов, лосей или оленей.

В месяц Новой Травы началось для меня восемнадцатое лето. Теперь я сам добывал для семьи мясо и шкуры.

Был у меня хороший лук и колчан с острыми стрелами. Друзья позволяли брать одного из их быстрых коней, и я вместе с другими охотниками преследовал стада бизонов.

Иногда удавалось мне убить оленя или лося. Моя мать дубила кожу, из которой мы шили себе одежду. Мы были сыты и одеты, но я желал большего: мне хотелось иметь собственных быстрых коней, а также большой вигвам, ружье, западни для бобров, одеяла и красивые платья для матери и бабушки.

Казалось, был только один способ получить все эти вещи: я должен вступить на тропу войны, угнать лошадей у одного из враждебных нам племен и обменять их на товары белых людей.

Но ни один военный отряд не хотел брать меня даже в качестве слуги. Вожди говорили, что я еще слишком молод. Сначала я должен был уйти в какое-нибудь уединенное место и там поститься в течение нескольких дней. Только после этого священного поста воины примут меня в свою среду. Они советовали мне отказаться от детских игр, посещать вигвамы жрецов Солнца, а затем, через две-три зимы, начать священный пост.

Но в тот вечер мне показалось, что есть иной, более легкий путь, который приведет меня к цели. На слова бабушки я не обратил никакого внимания. Наше племя высоко ценило перья из орлиных хвостов. За один орлиный хвост давали десять лошадей или двадцать шкурок бобров. В форте Красных Курток, здесь, на севере, или в форте Длинных Ножей [*Красные Куртки — канадцы, Длинные Ножи — американцы. (Прим. перев.)*], южнее, на Большой реке, можно было за сорок шкурок получить хорошее ружье, а за четыре шкурки — одеяло или капкан для бобров.

Я захлопал в ладоши и крикнул матери:

— Я решил стать ловцом орлов! К зиме у нас будет табун быстрых лошадей, а в форте белых людей мы купим все, что нам нужно.

Мать улыбнулась мне ласково и снисходитель-

но, как улыбаются ребенку, и, покачав головой, ответила:

— О нет, сын мой! Быть может, ты научишься ловить орлов, но не раньше, чем через много-много лет, когда ты будешь жрецом Солнца и таким же старым, как Одинокий Человек.

— То же самое и я ему говорила, — вмешалась бабушка.

— Не все ли равно — молод я или стар! — воскликнул я. — Руки у меня сильные. Я знаю, что могу схватить орла, затащить его в ловушку и задушить.

— И ты, конечно, не боишься ни острого клюва, ни когтей, — насмешливо проговорила бабушка. — Быть может, кто-нибудь открыл тебе тайну и научил ловить орлов?

— Знаешь ли, сынок, клюв и когти орла убивают, так же как жало гремучей змеи, — сказала моя мать. Если орел расцарапает ловцу руку, рука чернеет, и человек умирает. Даже из жрецов Солнца очень немногие становятся ловцами орлов. Они боятся черной смерти.

— А я не боюсь! Я научусь ловить орлов, — заявил я. — Да, да, я буду ловцом!

Мать засмеялась, а бабушка нахмурилась и проворчала:

— Перестань трещать, как сорока.

Съев кусок мяса, который поджарила для меня мать, я завернулся в одеяло и вышел из вигвама. Спустилась ночь; во всех вигвамах большого лагеря горели костры, а у костров ужинали мои соплеменники. Прислушиваясь к их веселому смеху, я говорил себе, что тоже хочу быть веселым и счастливым.

Как бы ни бранила меня бабушка, я не откажусь от принятого решения и не сверну с намеченного пути. Я обойду всех ловцов священных птиц, а они научат меня ловить орлов.

Ярко светила луна. Издали я увидел трех мальчиков, моих друзей, направлявшихся к нашему вигваму. Должно быть, они затеяли какую-нибудь игру и пришли звать меня. Я спрятался в тени, а когда они вошли в вигвам, потихоньку убежал. Осторожно прокрался я через лагерь к вигваму Одинокого Человека. Как билось у меня сердце, когда я отодвинул занавеску у входа и подошел к костру! Здесь я остановился как вкопанный и нервно стал теребить бахрому моей одежды. Я надеялся увидеть ловца орлов в кругу его семьи, но мне не повезло: случайно я попал на собрание старейшин и воинов. Он сидели по правую и левую его руку, а у входа разместились его жены.

Когда я вошел, Одинокий Человек что-то рассказывал своим гостям. Увидев меня, он спросил:

— Что тебе нужно, сын мой?

— Ничего… ничего… я просто так зашел… — пробормотал я, думая, что меня прогонят.

Но он сказал ласково:

— Садись, если найдешь свободное местечко.

Эти слова ободрили меня. Свободное место нашлось подле младшей его жены, сидевшей у самого входа. Когда я опустился рядом с ней на мягкие шкуры, она улыбнулась мне и сказала:

— Кайи! Маленькая Выдра, у тебя славная мать, а ты добрый сын. Я горжусь тем, что ты сидишь подле меня. Но недалеко то время, когда ты будешь сидеть вон там!

И она указала мне на ложе из звериных шкур по правую руку от ловца орлов. Сейчас это почетное место занимали два великих воина.

Маленькой Выдрой назвал меня жрец Солнца, когда я родился. Как и все мои сверстники, я очень хотел поскорее совершить какой-нибудь великий подвиг и заслужить новое имя — имя воина.

— Когда мальчик вошел, я вам рассказывал о том, как на восходе солнца поймал орла, — заговорил Одинокий Человек, окинув взглядом

своих гостей. — Слушайте что было дальше. Я взял свежий кусок печени и вложил его в бок чучелу волка, который служил приманкой для орлов. Палки, заменявшие крышу ловушки, я разбросал, когда боролся с орлом. Быстро сделал я новый настил, а затем улегся на дне ловушки и стал ждать следующего, орла. Все выше поднималось солнце, а орел не прилетал. Долго бормотал я все известные мне заклинания. Наконец, когда солнце стало спускаться; к западу, я увидел орла, парившего высоко в синеве. Я боялся, что он никогда не спустится к ловушке, и снова стал твердить заклинания. Вдруг он стал опускаться, быстрый как стрела; крылья его с шумом рассекали воздух. О, как забилось у меня сердце! Опустился он так низко, что я мог разглядеть его блестящие глаза. Но случилось то, чего я не ждал: орел взмахнул крыльями, полетел на юг и скрылся из виду. Никакими заклинаниями не удалось мне его вернуть. Я ничего не понимал. Наконец, я отказался от дальнейших попыток. Разбросав палки, поддерживавшие настил из ветвей над моей головой, я встал, выпрямился во весь рост и… увидел трех больших волков, которые лежали шагах в десяти от ловушки. Они вскочили, уставились на меня, потом повернулись и помчались

по склону горы. О, как я на них сердился! Конечно, они лежали тут целый день и спугнули орла. Как странно, что эти волки пришли и улеглись так близко от ловушки!

— А мне это не кажется странным, — сказал один из гостей. — Их привлек запах печени, которую ты вложил в чучело волка. Но они почуяли также и твой запах; вот почему они боялись подходить и ждали ночи. Они хотели подкрасться в темноте и утащить печень.

Все присутствующие с ним согласились. Одинокий Человек набил вторую трубку, закурил ее и передал соседу. Разговор зашел об охоте, но я ничего не слышал. Я сидел неподвижно, погруженный в свои мысли. Словно во сне, видел я, что гости докурили трубку, а Одинокий Человек набил ее в третий раз, и снова пошла она по кругу. Наконец, хозяин выбил из нее пепел и отпустил своих гостей.

Гуськом прошли они мимо меня, а когда опустилась за ними занавеска, жены и дети Одинокого Человека стали ложиться спать. А я сидел, не шевелясь, и боялся задать вопрос, который вертелся у меня на языке.

Одинокий Человек искоса на меня посматривал и, наконец, сказал:

— Ты хочешь спросить меня о чем-то, сын мой?

— Да! Да! — воскликнул я. — Что мне делать, чтобы стать ловцом орлов? Научи меня заманивать птиц из далекой синевы!

— Киаи-йо! Мальчишка, кажется, сошел с ума, — проворчала старшая жена Одинокого Человека.

Я и раньше ее не любил, а теперь, когда она стала смеяться надо мной, я ее возненавидел.

Но Одинокий Человек ласково мне улыбнулся и ответил:

— Сын мой, я не могу исполнить твою просьбу. Солнце сделало меня ловцом орлов, и никому не открою я тайны. Мы не смеем говорить о том, что открывается нам в сновидениях. Неужели ты этого не знал?

— Знал… знал… Но я надеялся, что быть может… быть может…

Я умолк, вскочил и выбежал из вигвама. В ушах моих звенел насмешливый хохот старшей жены.

Я побежал домой, ворвался в наш вигвам и упал ничком на постель из звериных шкур. С трудом удерживался от слез.

— Что с тобой? — встревожилась мать.

— Я сказал Одинокому Человеку, что хочу быть

ловцом орлов, и просил его научить меня, а его старшая жена назвала меня сумасшедшим… смеялась надо мной, — ответил я.

— Да ты и в самом деле сумасшедший! — воскликнула бабушка. — Неужели ты думал, что жрец Солнца откроет тебе свою тайну?

— Он мог бы мне сказать, что он делает там, в ловушке, на вершине горы…

— О, почему ты всегда бранишь его, всегда на него сердишься? — вмешалась мать. — Или ты ненавидишь своего внука?

— Я его браню, потому что хочу ему добра. Должна же я ему объяснить, что хорошо, а что плохо! — резко ответила бабушка.

— Да, но зачем ты кричишь на него так, что во всем лагере слышно?

Не знаю, чем кончился этот разговор. Я встал, вышел из вигвама и направился в ту часть лагеря, где жили семьи клана Сражается Один.

Подойдя к вигваму одного старого жреца Солнца, я остановился и прислушался.

В вигваме было тихо. Я откинул занавеску и вошел. Старик был один со своей женой. Видел он очень плохо и не узнал меня. Жена его назвала мое имя: тогда он велел мне сесть по левую его руку, а затем, казалось, забыл о моем присутствии.

Он что-то бормотал себе под нос и не спускал глаз с костра. Когда я с ним заговорил, он вздрогнул и словно проснулся.

— Помоги мне, — просил я его. — Скажи, что мне делать, чтобы стать ловцом орлов! Неужели я должен ждать много-много лет! Нет, я хочу ловить орлов теперь, этим летом, которое началось с месяца Новой Травы!

Старик долго не отвечал мне и тупо смотрел на огонь костра. Наконец, он сказал тихим голосом:

— Было нас пятеро, пятеро ловцов, но Старое Солнце, самый ловкий и смелый из пятерых, умер, и теперь нас четверо: Одинокий Человек, Черный Бизон, Желтая Антилопа и я. Но я слеп и больше не занимаюсь ловлей. Все мы поклялись Солнцем никому не открывать нашей тайны, и никто из нас не нарушит клятвы. У нас нет и не будет учеников.

Я посмотрел на его старую жену. Она кивнула мне, и я вышел. Старое Солнце я хорошо помнил — умер он в начале зимы, а было ему восемьдесят лет. И я сказал себе, что заслужу право носить его имя; скоро, очень скоро будут называть меня Старым Солнцем. Это было славное имя. Я остановился, взглянул на небо и крикнул:

— О Ночное Сияние! Помоги мне! Попроси тво-

его мужа мне помочь!

И мне казалось, что луна меня слышит.

Было поздно, когда я вернулся домой, но мать и бабушка еще не спали и при свете костра вышивали для меня мокасины. Мне было все равно, хорошо или плохо я одет, но они говорили, что хотя мы и бедны, но я не должен ходить в лохмотьях. Они шили для меня рубахи, штаны, мокасины из мягкой белой оленьей кожи; были у меня одеяла летние кожаные и зимние меховые. Я был всегда одет не хуже, чем сыновья славных воинов нашего племени.

— Кажется мне, что ты уже побывал в вигваме Горного Вождя, — сказала бабушка, когда я опустился на ложе из звериных шкур.

— Да. И там я кое-что узнал. Старик, а также и все другие ловцы орлов поклялись Солнцем никого не посвящать в свои тайны.

— Жестокие и скупые люди! — воскликнула моя мать.

— Неправда! — закричала бабушка.

— Не будем говорить о них, — перебил я. — Сегодня открылся мне путь, на который я должен вступить. Я не хочу жить с народом моего отца. Я уйду от этого племени. Мать, мы пойдем на юг, к твоему родному народу. Я чувствую, что мне

помогут твои соплеменники.

— Нет, нет, ты отсюда не уйдешь! — закричала бабушка. — Ты не можешь отречься от племени твоего отца. Это твое родное племя, и с ним ты останешься до конца жизни.

Я посмотрел на мать: она закрыла лицо руками и горько плакала. Бабушка повернулась к ней и сердито прошипела:

— Женщина-Олень! Перестань плакать! И помни, что я...

Вдруг моя мать выпрямилась и, смело глядя в лицо старухе, воскликнула:

— Долго я молчала, а теперь скажу тебе все! Я не боюсь тебя и никого не боюсь! А ты не смеешь отдавать приказания Маленькой Выдре. Он мой сын, а не твой. С тех пор как умер его отец, я только и думаю о том, чтобы вернуться к моему родному народу. Маленькая Выдра угадал мое желание: мы пойдем на юг.

Мать умолкла. Мы оба ждали, что старуха начнет осыпать нас бранью, и приготовились дать ей отпор. Но эта суровая властная женщина не сказала ни слова: впервые признала она себя побежденной. Ощупью, словно слепая, она отыскала свое одеяло, завернулась в него и медленно вышла из вигвама. Мы долго смотрели ей вслед,

потом переглянулись.

— Наконец-то! — воскликнул я. — В продолжение двух лет она нас бранила и заставляла исполнять все ее приказания. Мать, какая ты смелая! Ты нас освободила!

— Сын мой, помни всегда, что она тебя любит не меньше, чем любила твоего отца, единственного своего сына. Ты должен жалеть ее.

— Да, конечно, но теперь мы не позволим ей распоряжаться нами.

Мы легли спать и укрылись теплыми шкурами. Издалека доносились вопли и причитания бедной старухи. Она бродила в окрестностях лагеря и громко выкрикивала имя моего отца. Тяжело было у меня на сердце.

Теперь я должен объяснить, что черноногие индейцы разбивались на три племени — каина, пикуни и сиксика. Отец мой был из племени каина, а мать входила в клан Короткие Шкуры племени пикуни. В то время каина стояли лагерем на реке Чрево, у подножия высоких гор, а пикуни расположились южнее, на расстоянии трех дней пути от нас, на реке Медведь. Третье племя, сиксика, находилось к северу от нас, в долине реки Лук. Сейчас я расскажу, почему эти три племени говорили на одном языке.

Много-много лет назад, вскоре после того как «старик» создал мир, жил в далекой лесной стране человек, у которого было три женатых сына. Дичи в лесах становилось все меньше и меньше, и людям грозил голод. Однажды человек сказал своим сыновьям:

— Все мы умрем, если останемся здесь. Я предлагаю переселиться в другие края. Отправимся в путь и поищем страну, где водится много дичи.

Сыновья с ним согласились и приказали женам навьючить поклажу на собак. Затем все они тронулись в путь: старик со своими женами и его сыновья с женами и детьми.

Шли они долго, но дичи попадалось очень мало, и все голодали. Наконец, вышли они из леса на широкую равнину, где паслись огромные стада бизонов. Этих животных они видели впервые. Тотчас же раскинули они вигвамы, и три сына отправились на охоту, но им не удалось подстрелить ни одного бизона, потому что животные не подпускали их к себе. И в тот вечер четыре семьи легли спать голодными, хотя невдалеке паслись стада.

Старик заснул, и во сне открылось ему, что нужно делать. Проснувшись утром, он приготовил какое-то черное зелье и натер им ноги старшего

своего сына. Тот погнался за стадом бизонов; теперь он бегал так быстро, что догнал стадо и убил несколько бизонов. В маленьком лагере устроили пиршество, а когда все утолили голод, старик сказал старшему сыну:

— Ты совершил великий подвиг и заслужил новое имя. Я даю тебе имя Сиксика.

Сиксика значит «черноногий». Услышав это, младшие сыновья почувствовали зависть и попросили отца дать также и им новые имена. Долго думал старик и, наконец, сказал:

— Я не могу исполнить вашу просьбу, пока вы не заслужили права носить новые почетные имена. Черного зелья я вам дам, чтобы и вы могли убивать бизонов, но вы должны отсюда уйти в другую страну и там совершать великие подвиги.

Сыновья исполнили его приказание. Один пошел на юг, другой — на север. Долго скитались они. Наконец, вернулся тот, что отправился на юг. Он принес тюки с красивой одеждой, которую снял с убитых врагов, отец назвал его Пикуни — «в пышные одежды разодетый». Другой сын принес скальпы и оружие вождей, им убитых, и отец дал ему имя Каина — «много вождей». Эти три сына стали родоначальниками наших трех

племен: сиксика, пикуни и каина.

Как я уже говорил, по матери я был пикуни, а по отцу — каина, и жил с племенем моего отца — каина.

Когда догорел наш маленький костер в вигваме, вернулась бабушка, раздула тлеющие угли и сказала мне:

— Да, мы пойдем на юг, к пикуни, но обещай мне, сын моего сына, вернуться когда-нибудь к каина, родному нашему племени.

— Обещаю тебе исполнить эту просьбу, — ответил я. Когда я заслужу право носить великое имя — Старое Солнце, которого я добиваюсь, я вернусь к каина и попрошу жрецов Солнца дать мне это имя.

На следующее утро меня разбудило пение. Как я удивился! Моя мать пела впервые с тех пор, как умер отец. Она уже начала укладывать наш жалкий скарб. Видя, что я проснулся, она окликнула меня и попросила поскорее сбегать к реке, выкупаться и привести лошадей.

— Потом мы поедим, оседлаем лошадей и поедем на юг, к пикуни.

Я увидел, что и бабушка укладывает свои пожитки в два старых мешка. Она была очень печальна; слезы навертывались ей на глаза, а

руки дрожали. Выходя из вигвама, я посоветовал ей не грустить; сказал, что рано или поздно она одобрит мое решение.

Купаясь в реке вместе с мальчиками, моими товарищами, я сказал им, что расстаюсь с ними надолго, так как сегодня утром отправляюсь на юг, к пикуни. Они долго упрашивали меня не уезжать, а потом побежали в лагерь и сообщили новость своим родным. Когда я привел лошадей, перед нашим вигвамом уже собралась толпа. Вождь Орлиные Ребра и старшины нашего лагеря уговаривали мою мать отказаться от путешествия.

— Ты сумасшедшая! — говорили они ей. — В окрестностях рыщут неприятельские отряды; они не пощадят вас — двух слабых женщин и мальчика. Вам не добраться живыми до реки Медведь и лагеря пикуни.

Глава вторая

Моя мать молчала и искоса посматривала на меня, а я сказал, обращаясь к вождю:

— Я знаю, что на равнинах нам грозит встреча с неприятельскими отрядами, но ехать мы должны. И кажется мне, что мы благополучно доберемся до лагеря пикуни.

— Да, ехать мы должны, — подтвердила мать.

— Я стара. Не все ли равно, когда я уйду в страну Песчаных Холмов? — проговорила бабушка.

Вождь и старейшины рассердились и ушли. Уходя, Орлиные Ребра бросил через плечо:

— Помните, что мы вас предостерегали! Не наша вина, если вы трое будете убиты!

Мы наскоро поели и сложили наш вигвам. Женщины, подруги моей матери, помогли ей оседлать лошадей и навьючить на них поклажу. Меня окружили мои товарищи; они не могли понять, почему я решил покинуть лагерь. Воины советовали мне отложить путешествие; через несколько месяцев племя каина собиралось перебраться на юг и охотиться вместе с пикуни. Им я ответил, как и старейшинам, что не хочу и не

могу ждать.

К седлам наших трех вьючных лошадей мы привязали шесты от вигвама, затем вскочили на трех других старых кляч и тронулись в путь. Впереди ехал я. Когда мы выезжали из лагеря, бабушка зарыдала так громко, что все собаки подняли вой. Долго не могла она успокоиться. Я посматривал на мать: глаза ее блестели, улыбка не сходила с лица. Я слышал, как она шептала: «Наконец-то! Наконец-то я возвращаюсь к родному народу!»

Вскоре после полудня мы поднялись на вершину холма и оттуда посмотрели вниз, в долину реки Много Мертвых Вождей. Река эта течет на север в «страну вечной зимы».

Дальше, на равнине и склонах холмов, мы увидели стада бизонов и антилоп. Животные щипали траву, отдыхали, ходили на водопой. Мы остановили лошадей и долго следили за ними. Мать сказала мне:

— Если мы переправимся на другой берег, стада обратятся в бегство и привлекут внимание наших врагов, которые, быть может, скрываются поблизости.

— Мы переправимся через реку, когда стемнеет, — ответил я. — А сейчас спустимся к реке и

спрячемся в зарослях.

Стараясь не спугнуть дичь, мы спустились в долину, напоили лошадей и спрятали их в кустах, а сами прилегли отдохнуть и спали до захода солнца. Проснувшись, мы поели пеммикана [*Сушеное мясо, растертое в порошок, спрессованное и смешанное с жиром. (Прим. пер.)*], затем переправились через реку и выехали на равнину, держа путь на юго-восток. Луны не было; цокая копытами, убегали от нас бизоны, но в темноте враги не могли узнать, кто спугнул стада. Прохладный ночной ветерок доносил запах шалфея и других трав, растоптанных копытами бизонов.

Моя мать вздохнула полной грудью.

— Как люблю я этот запах свежей травы! — воскликнула она. — Как легко у меня на сердце! Я так счастлива, что мне хочется запеть!

— Пой, пой! — проворчала бабушка. — Наши враги, скрывающиеся во тьме, рады будут тебя послушать.

Вдруг где-то поблизости завыл волк, и тотчас же другие волки стали ему подвывать. Выли они протяжно и громко.

— Вот и не нужно мне петь! Они споют за меня, — сказала мать.

О, как любили мы слушать вой волков! Мне

всегда казалось, что они друг с другом беседуют.

Ехали мы всю ночь, заставляя наших старых кляч бежать рысцой. Вскоре переправились мы через северный рукав Маленькой реки, а затем через южный. Реки эти являются самыми северными притоками Большой реки (Миссури). На берегу южного рукава мы остановили лошадей и утолили жажду.

Моя мать радостно засмеялась и сказала мне:

— Сын мой, мы напились воды из родной моей реки. Как люблю я все реки, протекающие в стране пикуни! И как красивы наши долины, поросшие лесом! Летом здесь много ягод, а зимой холмы преграждают путь ветрам и метелям. Да, наша страна гораздо лучше, чем северная страна каина и сиксика.

Бабушка презрительно фыркнула.

— Ха! Глупости ты говоришь! — воскликнула она.

Мы ей не ответили, и она продолжала:

— Эта южная страна принадлежит не одним пикуни, но и нам, каина, а также сиксика.

— Да, правду ты говоришь, — отозвалась мать, — но я заметила, что каина и сиксика всегда кочуют на севере, предоставляя пикуни одним сражаться с кроу, ассинибойнами и другими

врагами, которые хотят завладеть нашей богатой страной.

Бабушка промолчала, не зная, что ответить.

На рассвете мы подъехали к глубокому каньону, где протекала река Крутой Берег. Здесь, в роще ив и тополей, мы сделали привал. Сняв с лошадей поклажу, я повел их на водопой; на песчаной косе, врезавшейся в реку, я увидел свежие следы военного отряда из двадцати человек. На мокром песке, у самой воды, ясно видны были отпечатки их ладоней и колен. Здесь воины утолили жажду, а затем двинулись к верховьям реки. Дрожа от страха, я зорко осматривался по сторонам, окинул взглядом склон долины, поросший лесом, но не увидел ни человека, ни зверя. Я боялся, что враги спрятались где-нибудь поблизости. Быстро отвел я лошадей в рощу и рассказал женщинам о своем открытии. Они так испугались, что даже бабушка примолкла.

Мы оседлали лошадей, навьючили на них поклажу и выехали из леса. Шесты вигвама грохотали по камням. Спустившись к реке, мы переправились на другой берег, поднялись по крутому склону на равнину и здесь остановили лошадей и оглянулись. На песчаной косе, где я поил лошадей, выстроились в ряд враги и смот-

рели нам вслед. Когда мы остановились, они начали стрелять из ружей. Пули зарывались в землю в нескольких шагах от нас. Снова стали мы хлестать лошадей и галопом помчались по равнине. До нас долетали насмешливые крики.

На вершине холма между рекой Крутой Берег и рекой Два Священных Вигвама мы позволили измученным клячам отдохнуть и, оглянувшись на проделанный путь, убедились, что враги нас не преследуют. Долго беседовали мы о нашем чудесном спасении. Хорошо, что я спустился к песчаной косе. Врагов было человек двадцать, а следы их ног остались только на этой косе, так как дальше берега были каменистые. Если бы я не увидел отпечатков ног, мы остались бы в тополевой роще, и враги нас бы не пощадили.

Как только лошади отдохнули, мы тронулись в путь и к полудню увидели реку Два Священных Вигвама. Называется она так потому, что много лет назад пикуни и каина выстроили в низовьях два вигвама, посвященных Солнцу.

Мы сделали привал на берегу реки, напоили лошадей, стреножили их и сняли с них поклажу. Здесь никакая опасность нам не угрожала: леса поблизости не было, и враги не могли незаметно к нам подкрасться. Бабушка собрала хворост, а

мать развела костер и, достав из мешка сушеное мясо бизона, занялась стряпней.

Когда мы поели, мать вызвалась караулить, пока мы с бабушкой будем спать. Я взял с нее обещание разбудить меня в середине дня, так как она тоже должна была отдохнуть и выспаться. Но мать не сдержала слова; окликнула она меня, когда солнце уже спустилось. Я проснулся и стал бранить ее, но она засмеялась, легла и тотчас же заснула.

Была у нас только одна собака, очень большая и похожая на волка. Я дал ей кличку Синуски — «полосатая морда». Недавно она потеряла своих щенят. Родила она их в роще далеко от лагеря, и, должно быть, щенки стали добычей койотов или рыси.

Пока я караулил, собака лежала подле меня. Вдруг она вскочила, ощетинилась и, потянув носом воздух, жалобно заскулила.

«Не угрожает ли нам опасность?» — подумал я. Но лес находился очень далеко от нас, а на поросших травой склонах долины не было видно ни одного живого существа. В нескольких сотнях шагов от реки росли кусты шиповника, и я решил, что там-то и притаился враг.

— Синуски! — прошептал я. Кто там прячется?

Ступай посмотри.

Я хлопнул в ладоши, и она убежала: никогда еще не бегала она так быстро; струйками вилась за ней пыль. Я вскочил, взял лук и разбудил женщин. Они тотчас же вскочили и стали отвязывать лошадей. Синуски прыгнула прямо в кусты, но никто оттуда не выскочил, и крика мы не слышали. Страх рассеялся; с любопытством ждали мы, что будет дальше. Вскоре собака вышла из кустов, держа в зубах какого-то маленького светлого зверька. Он был живой; мы видели, как он извивается. Синуски рысцой бежала к нам.

— Она нашла волчонка! — воскликнула моя мать.

Действительно, это был пушистый серый волчонок. Подбежав ко мне, Синуски бросила свою находку к моим ногам, потом заскулила, положила передние лапы мне на плечи и лизнула меня прямо в лицо. Казалось, она просила пощадить волчонка.

— Не бойся, Синуски, я его не обижу, — сказал я.

Нагнувшись, я погладил маленького зверька. Он ничуть не испугался и завилял хвостом. Был он очень худ и, по-видимому, давно не ел. Мы не понимали, что случилось с волчицей, как могла

она его потерять. Синуски улеглась на песок подле волчонка, а он схватил один из ее набухших сосков и, громко причмокивая, стал сосать.

Мы привязали лошадей, и женщины снова заснули. Заснул сладким сном и волчонок, довольный и сытый. Я был рад, что Синуски его нашла, так как мне давно уже хотелось иметь ручного волчонка.

Долго придумывал я ему кличку и, наконец, решил назвать его Нипокана, или сокращенно Нипока. В тот день я и не подозревал, что этот волчонок будет со временем моим помощником и защитником.

На закате солнца я разбудил женщин, и мы поели сушеного мяса. В сумерках мы переправились через реку и поехали на восток к холмам, разделяющим долины рек Два Священных Вигвама и Барсук. В полдень сделали привал на берегу реки Береза. Я вынул из мешка волчонка и отдал его Синуски. Река Медведь начинается там, где река Крутой Берег сливается с реками Два Священных Вигвама, Барсук и Береза. На рассвете мы выехали на плоскогорье, откуда берет начало река Медведь, а на восходе солнца спустились в долину реки в том месте, которое мы называем Апукуитсипеска — «Широкая долина ив». Нигде

не было видно дичи; земля была утоптана конскими копытами, и я нашел отпечатки собачьих лап. Теперь мы знали, что неподалеку находится большой лагерь — лагерь пикуни. — О, скоро мы их увидим! — воскликнула моя мать.

Слезы навернулись ей на глаза, и она запела дрожащим голосом, а я стал ей подпевать.

Дважды переправлялись мы через реку и, наконец, увидели в конце долины огромный лагерь пикуни — сотни и сотни вигвамов. Мужчины гнали табун на водопой; тысячи лошадей гуськом поднимались по тропинке на равнину. Как ни велико было расстояние, отделявшее нас от лагеря, но мы услышали громкий протяжный гул, напоминавший жужжание пчел: болтали, смеялись, пели мужчины и женщины, лаяли собаки, нетерпеливо ржали лошади.

Понукая усталых кляч, мы въехали в лагерь, направляясь к вигвамам клана Короткие Шкуры, находившимся в восточной части лагеря. Этих вигвамов было больше двухсот.

Мы миновали огромный вигвам Одинокого Ходока; Одинокий Ходок был вождем нашего клана, а также всего племени. Он заслужил славу великого воина, и во всех наших трех племенах не было человека умнее и великодушнее, чем он.

Женщины выбегали нам навстречу и громко кричали:

— Женщина-Олень вернулась к нам, а с ней Маленькая Выдра, ее сын!

Но никто не обращал внимания на бабушку. Они столпились вокруг нас, засыпая вопросами, а мы остановили лошадей у входа в вигвам Быстрого Бегуна. Это был мой дядя, старший брат матери. Прибежали его жены, обняли нас и повели в вигвам.

Моя мать подошла к Быстрому Бегуну, обняла его и заплакала. Он гладил ее по голове и дрожащим голосом говорил:

— Ну-ну, не плачь, сестра! Сегодня счастливый день. Как я рад, что ты вернулась к нам, ты и Маленькая Выдра! А как он вырос!

Мать скоро осушила слезы и села рядом с ним, а он обратился ко мне.

— Да, племянник! Ты теперь взрослый. Вероятно, ты уже охотишься и привозишь матери мясо и шкуры. А когда же ты начнешь священный пост?

— О, я им горжусь! — воскликнула мать. — Он хороший охотник.

— Я хочу быть ловцом орлов, — сказал я. — Жрецы каина — ловцы орлов — отказались мне

помочь. Быть может, ты придешь мне на помощь. Этим летом я научусь ловить священных птиц, которые парят в далекой синеве.

Вошла бабушка и села у входа. Услышав мои слова, она нахмурилась и сердито проворчала:

— Сумасшедший! Не знаю, что мне с ним делать. Быстрый Бегун, быть может, ты заставишь его взяться за ум!

Дядя засмеялся.

— Молодец! — сказал он мне. — Юноши должны мечтать о великих подвигах. Я знаю, настанет время, когда ты будешь ловцом орлов. Но сначала нужно подумать о священном посте. Ты должен увидеть вещий сон, а затем участвовать в набегах на враждебные нам племена. Ты должен беседовать со жрецами Солнца и приносить жертвы богам. И, быть может, через пятнадцать — двадцать зим ты научишься ловить орлов.

Он умолк, а у меня сжалось сердце. Я-то надеялся на его помощь! И жрецы каина говорили, что я должен ждать много-много лет! Мне стало так грустно, что я ничего ему не ответил. «Не быть мне ловцом орлов, — думал я. — Лучше отказаться от несбыточной надежды».

Мать и бабушка ушли. Им предстояло снять поклажу с лошадей и поставить наш маленький

вигвам. Я остался вдвоем с дядей. Вскоре к нам присоединилось несколько воинов. Они курили и расспрашивали меня о каина, а я отвечал коротко; однако рассказал им о том, как мы едва спаслись от неприятельского отряда. Не успел я закончить рассказ, как дядя и его гости выбежали из вигвама, созывая Икунукатси [*И-кун-у-ка-тси — Друзья — братство воинов. В состав его входило двенадцать отрядов, или братств: Птенцы, Голуби, Москиты, Смельчаки, Бешеные Собаки, Носители Ворона, Собаки, Хвосты, Рога, Быстрые Лисицы, Ловцы, Бизоны. В отряд Птенцов входили мальчики. Великие воины входили в отряд Смельчаков. Бизоны — братство глубоких стариков (Прим. авт.)*], и отдали приказ седлать коней.

В лагере началась суматоха; пастухи приводили лошадей, женщины молили Солнце защитить воинов от стрел неприятеля, плакали дети, выли собаки.

Я вышел из вигвама посмотреть, как собираются воины. По приказу военного вождя, которого звали Одинокий Бизон, воины двинулись на запад, громко распевая боевую песню нашего племени. Все они были в боевом наряде и вооружены луками, ружьями и щитами; военный убор из перьев украшал их головы. Это было волнующее

зрелище. Я восхищался воинами, прислушивался к песне и забыл на время о своем горе. Но когда они поднялись на равнину и скрылись из виду, я снова отдался тоске. Ярко светило солнце, а мне казалось, что черная туча нависла над моей головой.

Наш вигвам был уже поставлен. Я кликнул Синуски, вынул из мешка волчонка, и она его накормила. Мать принесла мне поесть; тетки дали пеммикана, сушеных ягод и мяса бизона, но я не чувствовал голода. Пришли женщины и завели разговор с матерью. Мальчики, мои сверстники, хотели со мной познакомиться и втянуть в игру, но мне было не до игр. Взяв волчонка, я вышел из лагеря и поднялся на равнину. Синуски бежала за мной по пятам. Я отдал ей волчонка, лег на траву и тотчас же заснул.

Разбудило меня тихое ворчание собаки. Я приподнялся и увидел, что солнце уже скрылось за горами. Какой-то старик медленно брел по склону. Когда он приостановился и поднял голову, я узнал дядю моей матери — Красные Крылья. Был он великим жрецом Солнца, хранителем священной Трубки Грома.

— А, вот ты где! — сказал он, усаживаясь рядом со мной. — Твоя мать сказала, что я найду тебя

здесь. Ты печален. Я пришел, чтобы помочь тебе.

— Этим летом я хочу стать ловцом орлов. Научи меня, если хочешь мне помочь, — резко ответил я.

— Тише, тише, сын мой. Будь спокоен, не сердись, говори ласково и кротко, — сказал мне старик.

— Все говорят — и жрецы каина и мой дядя, — что мне придется ждать много-много лет, и тогда только я смогу сделаться ловцом орлов.

Он ответил мне не сразу, и я подумал, что и от него не дождусь помощи. Повернувшись к нему спиной, я стал смотреть на волчонка, который затеял игру с Синуски и старался поймать ее за хвост. Хотелось мне быть таким же счастливым и беззаботным, как он.

Наконец, старик заговорил, словно размышляя вслух:

— Много видел я на своем веку и понял, что и юноши могут совершать великие подвиги. Одна беда: юноши думают прежде всего о том, чтобы весело провести время. Нравится им плясать, разгуливать в нарядной одежде, играть в азартные игры; они ходят на охоту и убивают зверей для того, чтобы обменивать у белых торговцев меха на зеркальца и яркую материю. Но если бы

юноша от всего этого отказался, если бы думал он только о том, чтобы развить свои силы, стать выносливым и смелым, не отступающим перед лишениями и тяжелыми испытаниями, тогда, быть может…

Старик умолк, задумчиво глядя вдаль. Я не выдержал и крикнул:

— Значит, ты хочешь сказать…

— Вот что хочу сказать, — перебил он меня, — несмотря на молодость свою, ты можешь стать ловцом орлов, если пойдешь по тропе, которую я тебе укажу.

— Никогда я с нее не сверну! — воскликнул я.

— Прежде всего ты должен начать священный пост.

— А что я должен делать, когда пост мой окончится?

— Тогда узнаешь. Сейчас я ничего тебе не скажу, — ответил он.

Я взял волчонка, и мы стали спускаться в долину. Трудно мне было приноравливаться к старческой походке Красных Крыльев. Я был так счастлив, что мне хотелось петь, плясать, бежать к матери и передать ей разговор со стариком.

Когда мы вошли в лагерь, лагерный глашатай, проходя мимо вигвамов, громко выкрикивал:

— Слушайте, слушайте все! Вот приказ вождя: завтра мы снимаемся с лагеря и пойдем к верховьям реки Два Священных Вигвама. Лагерь мы раскинем у подножия гор, поросших лесом, потому что многим из вас нужны новые шесты для вигвамов.

Этот первый летний месяц, месяц Новой Травы, называется также месяцем Новых Вигвамов, потому что в эту пору года женщины дубили шкуры бизонов и из мягкой белой кожи шили новые покрышки для вигвамов, а также заготовляли новые шесты.

Остановившись у входа в свой вигвам, Красные Крылья сказал мне:

— Я рад этой вести, сын мой. В горах Два Священных Вигвама будешь ты поститься. Во всей нашей стране нет более подходящего места для священного поста.

Глава третья

Всегда считал я племя каина племенем богатым к могущественным. На следующее утро, когда пикуни снялись с лагеря, я понял, что каина были бедняками по сравнению с народом моей матери, самым большим племенем из всех трех племен черноногих. Лошадей у пикуни было больше, чем деревьев в лесу.

Мне понравились красивые седла, расшитые разноцветными бусами и иглами дикобраза; я любовался нарядами мужчин, женщин и детей. Заметил я также, что воины лучше вооружены, чем каина, и великолепно держатся в седле. Сдерживая гарцующих коней, они зорко осматривались по сторонам, надеясь померяться силами с неприятельским отрядом.

Процессию открывал наш клан Короткие Шкуры. Впереди ехал Одинокий Ходок со своими помощниками и жрецами. Я твердо решил рано или поздно занять место в их рядах.

К вечеру следующего дня мы раскинули лагерь в горах, на берегу озера, у истоков реки Два Священных Вигвама. Когда поставлены были все

вигвамы, женщины принесли хворост и разложили костры. Мать приготовила для меня ужин, но Красные Крылья предложил мне поужинать вместе с ним. Я отправился в его вигвам — прекрасный вигвам из двадцати четырех шкур, в котором жил он сам, его четыре жены и овдовевшая дочь с детьми. Внутри вигвам был обтянут ярко раскрашенной кожей, прикрепленной к шестам на высоте человеческого роста. В промежутках между ложами из шкур лежали мешки, расписанные красной, синей, зеленой и желтой красками. В них хранилось сушеное мясо, пеммикан, одежды и другое имущество.

На заходе солнца первая жена старика — «жена, сидящая рядом с ним» — принесла Трубку Грома, завернутую в куски кожи и меха, и подвесила ее к шесту над головой Красных Крыльев. Днем эта трубка всегда лежала на треножнике позади вигвама. К шестам были подвешены также старинные кожаные мешочки, украшенные бахромой; в них хранились священные краски и ароматические травы, которыми пользовался старик при церемонии раскуривания трубки.

Этой трубки я никогда не видел, но много о ней слышал. Усевшись рядом с Красными Крыльями, я с любопытством посматривал на странный

сверток.

— Ну, вот мы и пришли к священным горам! — сказал мне старик. — Сын мой, ты все еще хочешь стать ловцом орлов?

— Да, да! — воскликнул я. — Укажи мне путь, которым я должен идти, и никогда я с него не сверну!

Он одобрительно кивнул, а женщины, сидевшие в вигваме, захлопали в ладоши, и одна из них сказала:

— Сестры, настанет день, когда мы будем гордиться нашим родственником каина.

Эти слова задели меня, и я воскликнул:

— По отцу я — каина, но по матери — пикуни!

— Да, да! И скоро ты забудешь каина и сделаешься настоящим пикуни, — успокоил меня Красные Крылья.

— Я обещал бабушке вернуться к каина, потому что они должны дать мне имя, которого я добиваюсь.

— Ну что ж, ты можешь сдержать слово и все-таки быть одним из нас. Получив новое имя, ты вернешься к нам и займешь подобающее тебе место в нашем клане Короткие Шкуры, — сказал старик.

Помолчав, он спросил:

— А какое имя хочешь ты носить?

Не подобает, чтобы человек называл свое имя, а также и то, которого он добивается. Поэтому я ответил:

— Это имя носил великий жрец каина, старик, умерший прошлым летом. Был он искусным ловцом орлов.

— Ха! Ты говоришь о Старом Солнце, — воскликнул Красные Крылья.

— Да, я хочу, чтобы меня назвали его именем.

— Ты заслужишь это имя, если пойдешь по тропе, которую я тебе укажу! — воскликнул старик.

Пришли гости, нам подали мяса, пеммикана и сушеных ягод. Все шутили и смеялись, но мне было не до смеха. Думал я о тех тяжелых испытаниях, какие предстояло мне перенести, чтобы закалить себя и стать ловцом орлов. Что, если не хватит у меня сил?

Когда все поели, Красные Крылья закурил свою трубку и передал ее соседу. Я знал, что все присутствующие должны выкурить три трубки, а затем старик отпустит гостей и даст мне распоряжения. Но когда гости докуривали третью трубку, в лагерь въехал Одинокий Бизон со своими воинами. Громко распевали они победную песню, и все высыпали им навстречу. Выходя вслед за гостями

из вигвама, Красные Крылья сказал мне:

— Возьми мое ружье и любую из моих лошадей и отправляйся завтра на охоту. Ты должен доставить в свой вигвам много мяса и шкур, потому что на следующий день начнется для тебя пора испытаний.

Как ни тревожны были мои мысли, но я невольно развеселился, приветствуя наших воинов. Все в лагере ликовали. Женщины обнимали мужей, сыновей, братьев, перечисляли совершенные ими подвиги, воспевали хвалу Солнцу. Многие дали клятву построить в месяц Спелых Ягод большой вигвам, посвященный Солнцу, в благодарность за то, что никто не погиб в бою.

Пока женщины пели хвалебные песни, мы столпились вокруг и узнали от них, что неприятельский отряд ассинибойнов они настигли на открытой равнине, к северу от реки Крутой Берег. Они преследовали этот отряд, и ни один ассинибойн от них не ушел. Долго беседовали мы о славной победе, и было уже поздно, когда все улеглись спать.

На следующее утро мы трое, мать, бабушка и я, выехали из лагеря. Красные Крылья дал мне одну из своих быстрых лошадей, приученных к охоте на бизонов. В руке я держал ружье, за

спиной у меня висели лук и колчан со стрелами. Я очень гордился ружьем, так как до сих пор мне еще ни разу не приходилось стрелять из ружья. Медленно проехал я по всему лагерю; мне хотелось, чтобы все меня видели. Большинство не обращало на меня никакого внимания, но кое-кто останавливался и говорил:

— Ха! Вот едет Маленькая Выдра с ружьем! Он направляется на охоту!

Как я был горд и счастлив! На лошади я держался прямо, как палка, и заставлял лошадь гарцевать, делая вид, будто большого труда стоит справиться с таким горячим конем.

Мы переправились через реку и поднялись по северному склону на равнину. У опушки леса, тянувшегося на западе, мы заметили трех медведей; они выкапывали корни и перевертывали лапами камни, отыскивая мышей и муравьев. Мать согласилась со мной, когда я сказал, что мы охотимся не на медведей, и предложил ехать дальше. Нам попадались олени, антилопы, лоси. Наконец, отъехав далеко от реки, увидели мы стадо бизонов. Огромные животные, пощипывая траву, медленно поднимались на холм. Мы ждали, пока они не скрылись за холмом, и тогда только последовали за ними.

На вершине холма я отпустил поводья, и моя лошадь, давно уже почуявшая запах бизонов, помчалась галопом. От нас бизоны находились на расстоянии выстрела из лука. Я подъехал близко ж стаду, когда животные меня заметили и, задрав хвосты, обратились в бегство.

Выбрав жирного двухгодовалого бизона, я направил к нему мою лошадь и, подскакав чуть ли не вплотную, выстрелил. Пуля задела легкие, и кровь хлынула у него из ноздрей. Отъехав в сторону, я стал заряжать ружье. Сотни раз слышал я о том, как охотники на всем скаку пересыпают порох. Прислонив ружье к левому плечу, я насыпал пороху из рога на ладонь правой руки и попытался зарядить ружье, но неудачно — порох развеялся по ветру. Я повторил попытку и снова потерпел неудачу. — «Плохо дело! — подумал я. — Порох стоит слишком дорого, чтобы посыпать им равнину!» Приостановив лошадь, я бросил ружье в кусты и достал лук и стрелы. Мне не приходилось погонять моего горячего коня; он знал, что от него требуется, и я должен был только направить его к намеченному мной животному.

На этот раз я выбрал большую самку, такую жирную, что она не поспевала за стадом. Когда я в нее прицелился, она круто повернулась и побе-

жала назад. Тотчас же повернула и моя лошадь; казалось, она во что бы то ни стало хотела догнать бизона. Я не ждал такого резкого поворота и едва не вылетел из седла, но, к счастью, успел уцепиться за гриву. Лошадь перешла в галоп и быстро догнала бизона. Поравнявшись с ним, я выстрелил ему в спину, и стрела задела сердце. Животное метнулось в сторону, сделало несколько прыжков и тяжело рухнуло на землю.

Не сразу удалось мне повернуть лошадь назад. Спрыгнув на землю, я осмотрел тушу бизона и подумал: «С ружьем я не умею обращаться, зато из лука стреляю хорошо». Эта мысль меня утешила. Мне было очень стыдно, что я рассыпал порох.

Подъехала моя мать и протянула мне ружье. Вслед за ней появилась и бабушка. Обе женщины видели, как я бросил ружье.

— Если бы ты был осторожен, ружье не выскользнуло бы у тебя из рук, — сказала мать. — А ведь оно не твое. Ты знаешь, что Красные Крылья очень им дорожит. Что бы мы делали, если бы ты его сломал?

— Старик понял бы, что нельзя давать ружье глупому мальчишке, — вмешалась бабушка.

Я промолчал. Мне не хотелось им говорить, что я нарочно бросил ружье. Мы перевернули

большую самку так, чтобы удобно было сдирать с нее шкуру. Женщины принялись за работу, а я вскочил на лошадь и стал подниматься на ближайшую гору. Нужно было караулить, чтобы какой-нибудь неприятельский отряд не застиг нас врасплох.

На самой вершине горы я увидел старую яму, служившую когда-то для ловли орлов. Я сошел с лошади и осмотрел ее. На дне валялись гниющие листья, хворост, палки — остатки провалившегося настила или крыши. Разгребая мусор, я нашел человеческий череп и поспешил выскочить из ямы. Еще в детстве я слышал, что можно заболеть смертельной болезнью от одного прикосновения к человеческому черепу.

Я сел у края ямы и стал смотреть на череп, стараясь угадать, как он сюда попал. Будь это череп ловца орлов, погибшего в яме, я бы нашел здесь и весь скелет. Не подыскав никакого объяснения, я начал внимательно осматривать ловушку. Яма была узкая и глубокая; если бы я, прыгнув в нее, выпрямился во весь рост, над поверхностью земли виднелась бы только моя голова.

Я представил себе ловца орлов, притаившегося в этой ловушке. Над головой его — крыша из тонких палок и ветвей, а на этой легкой крыше

лежит шкура волка, набитая травой. Из разреза в шкуре торчит кусок свежей печени. Ловец, спустившись в яму, притаился и терпеливо ждет орла. Но как заманивает он орла? Этого я не знал. Как удается ему справиться с сильной птицей? Мне говорили, что раны, нанесенные клювом и когтями орла, часто бывают смертельны. Как защитить себя от страшных когтей и клюва? Я не находил ответа, и мне стало грустно. «Пожалуй, правы те, которые говорили, что пройдет много-много зим, раньше чем я сделаюсь ловцом орлов», — подумал я.

Потом я вспомнил слова Красных Крыльев и ободрился.

— Этим летом я научусь ловить орлов! — воскликнул я.

Я посмотрел вниз на равнину и увидел бабушку и мать. Они уже содрали шкуру с самки и теперь направлялись к туше молодого бизона. Вскоре показались на равнине охотники из нашего лагеря. За ними ехали женщины. У подножия горы они остановились и перекинулись несколькими словами с моей матерью. Затем один из них повернул лошадь и въехал на гору. Это был Длинный Волк из клана «Никогда Не Смеются», юноша, на одну-две зимы старше меня.

— Что ты тут делаешь, Маленькая Выдра? — спросил он.

— Осматриваю ловушку, — отозвался я. — Единственное мое желание — стать ловцом орлов, но непременно этим летом.

— Ну, так что же? Будь ловцом!

— А по-твоему ловить орлов так же легко, как убивать?

— Конечно! Муж моей сестры говорит, что пост, молитвы, великие подвиги и испытания никому не нужны. Ловить орлов может всякий.

— Кто он такой — этот удивительный человек?

— Не смейся! Он умнее всех наших стариков. Он белый; живет в торговом форте Длинных Ножей на Большой реке. Хочешь, я тебе докажу, что он прав? Я починю эту ловушку и буду ловить орлов.

— Подойди ближе и загляни в нее, — сказал я, указывая на череп.

— Ха! Череп! — смеясь, воскликнул он. — А мой зять говорит, что бояться черепа и скелета очень глупо. Я ему верю и не боюсь этого черепа. Я починю эту ловушку, спущусь в нее, и череп будет мне служить подушкой! Но ты первый пришел сюда; быть может, ты сам хочешь испробовать эту ловушку?

— Нет, не хочу! — сердито ответил я. — Пожалуй, твой зять прав, говоря, что человеческие кости нам не страшны, но во всем остальном он ошибается. Ловить орлов — дело трудное, и нужно к нему подготовиться. Да, белые знают то, что нам недоступно! Они умеют делать порох, ружья и разные вещи из железа, но наши отцы знали то, что неведомо белым, и передали это знание нам. Твой зять никогда не ловил орлов; вот почему он думает, что это очень просто, и смеется над нами. А мне старики говорили, что ловец орлов должен быть выносливым, ловким и смелым, должен пройти через ряд испытаний и закалить свое тело. Если хочешь, избери тропу белых людей, а я пойду по тропе, указанной мне нашими стариками. Да, иди по тропе белокожих, но смотри, как бы не привела она тебя к гибели.

— Ха! Что мне птичья голова? [*Соответствует нашему «наплевать!» (Прим. перев.)*] — воскликнул он. — Не пройдет и месяца, как я наловлю много орлов, а ты… если ты и сделаешься ловцом, то очень не скоро… через много-много зим!

Он хлестнул свою лошадь и ускакал вслед за охотниками.

Длинному Волку я возражал не задумываясь, но когда он уехал, тоска охватила меня. Ведя лошадь

на поводу, я стал спускаться с горы. Думал я о том, что, быть может, Длинный Волк прав. Мне старик указывает длинный и трудный путь, а он хочет идти кратчайшим путем.

Матери я ни слова об этом не сказал. Мы отвезли в лагерь мясо убитых мной животных, а затем я повел лошадей на водопой. Покончив со всеми делами, я побежал в вигвам Красных Крыльев, чтобы вернуть ему ружье и передать мой разговор с Длинным Волком.

— Да, Длинного Волка я хорошо знаю, — сказал старик, внимательно меня выслушав. — Прошлое лето он провел в форте Длинных Ножей на Большой реке. Вернувшись оттуда, он только и делал, что восхвалял белых и высмеивал наши нравы и обычаи. Долго пытались мы открыть ему глаза и указать верный путь, но он не хотел нас слушать. Быть может, и в твоем сердце зародились сомнения. Пусть рассеются они! Да, белые умны и хитры, они умеют делать много полезных и нужных нам вещей, но дальше этого не идут. С нами они ведут торговлю, обменивают свои товары на меха и шкуры и всегда стараются нас обмануть. А что делают они в свободное время? Да ничего! Едят до отвала, пьют, хохочут, пляшут с девушками нашего племени, на которых жени-

лись. Мы это знаем от сестры Длинного Волка. Давно уже живет она с белым, но ни разу не слыхала, чтобы он заговорил о великих подвигах и испытаниях, закаляющих человека, о долге, его возвышающем. Нет, он думает только о наживе или развлечениях. Белые в неведении своем смеются над нами. Их нужно пожалеть. Они ничего не знают. Бродят они в горах и по равнине, видят животных, птиц, рыб, деревья и растения, но разве могут они чему-нибудь от них научиться? Нет! Они слепы и глухи!

Старик умолк. Казалось, он забыл обо мне. Подперев подбородок рукой, он уставился в землю и бормотал что-то себе под нос.

— Длинный Волк сделал злое дело! — воскликнул я. — Он вселил в меня сомнения. Но я их отброшу и забуду его слова.

— Ха! Ты говоришь, как настоящий пикуни! — похвалил меня старик. — Слушай: завтра утром я покажу тебе Трубку Грома, а по окончании церемонии ты возьмешь мое ружье, одеяло и поднимешься на склон большой Красной горы над верхним озером. Ты там найдешь местечко, защищенное от дождя и ветра, и начнешь поститься. Пост должен продолжаться до тех пор, пока ты не увидишь вещего сна. Во сне те-

бе явится какое-нибудь священное животное, которое пообещает быть всегда твоим тайным помощником и защитником. А теперь ступай в свой вигвам.

Весело побежал я домой. Мне хотелось поскорее остаться одному на склоне высокой крутой горы и пройти через первое испытание. Долго говорил я об этом с матерью, и даже бабушка посматривала на меня ласково и старалась ободрить.

На следующий день, когда солнце стояло на небе высоко, меня позвали в вигвам Красных Крыльев. Я вошел и сел на ложе из шкур по правую руку старика. Слева от него сидела старшая его жена, носительница священной трубки. Дальше разместились мужчины, которые должны были принимать участие в церемонии; многие захватили с собой барабаны, чтобы аккомпанировать пению. Справа от меня, у входа, сидели младшие жены Красных Крыльев со своими подругами.

В вигваме было очень тихо; никто не курил. Все сидели серьезные, сосредоточенные, не спуская глаз с маленького костра; думали они о священной трубке. Затем все повернулись к Красным Крыльям. Ивовыми щипцами он вытащил из костра несколько раскаленных углей и положил

их перед собой на землю. Из кожаного мешочка он достал пучок душистой травы и бросил его на угли. Поднялся ароматный дымок. Старик и его жена простерли руки и, набрав пригоршни дыма, стали тереть ладонями лицо, волосы, одежду; они очищались раньше, чем прикоснуться к Трубке Грома. Старуха встала, сняла с шеста сверток с трубкой и, положив его на ложе из шкур, стала развязывать четыре кожаных шнурка. Снова Красные Крылья бросил пучок душистой травы на угли, окуривая дымом сверток, и затянул первую из четырех священных песен, какие поются при разворачивании трубки. Все присутствующие стали ему подтягивать. Это была песня Древнего Бизона.

Тяжело у меня на сердце. Давно умерли те, что пели священные песни в то далекое утро. Тени их ушли в страну Песчаных Холмов, а трубка зарыта землю вместе с останками Красных Крыльев. А те, что остались… кто они? Называют они себя пикуни, но не такими были настоящие пикуни. Счастливы ушедшие в страну Песчаных Холмов! Они не видят, как белые истребляют нашу дичь, завладевают нашей великой страной, обрекают нас на голодную смерть, отнимают у нас наших детей и учат их своему языку, своим обычаям. Бе-

лые заставляют наших детей поклоняться тому, кого они называют создателем, и говорят им, что все наши обычаи нелепы и смешны.

Что же видим мы теперь? Наши дети забыли все, чему учили их отцы, но не приняли и учения белых. Они отреклись от родного племени и стали людьми жестокими и лживыми. Они воруют; они обманывают не только белых, но и друг друга. Не имея ни силы, ни знаний, чтобы идти путем белых, они влачат жалкое существование, голодают, болеют, умирают. И хорошо, что умирают! На земле не осталось места для пикуни. Белые отняли у нас все: нашу землю, стада, дичь, даже наши верования и обычаи! Довольно! Вернемся к дням моей юности! Рассказывая о счастливой чистой жизни, какую вели некогда пикуни, я хоть на время забуду о всех наших невзгодах и лишениях.

Как печально звучала эта песня Древнего Бизона! Я слушал ее с волнением. Смолкли голоса, и жена Красных Крыльев сняла первый покров со священной трубки. Тогда все запели песню Антилопы, и под эту песню снят был второй покров. Затем запели песню Волка и, наконец, песню Птицы Грома. Старуха сняла последний, четвертый покров, и все мы увидели трубку, украшенную

перьями и кусками меха. Раздались ликующие возгласы, громкие и протяжные. Долго не смолкали они. Звонкие голоса женщин сливались с низкими глухими голосами мужчин.

Красные Крылья уже развел на блюдце священную краску. Краска эта была красновато-бурая; добывали ее из красноватой земли, которую «старик», создавший мир, разбросал по оврагам и лощинам. Мы знали, что Солнце любит больше всех других цветов красновато-бурый цвет.

Когда старый жрец Солнца взял блюдце, я ближе придвинулся к нему, и он помазал мне священной краской волосы, лицо и руки. Затем, приподняв концы своего кожаного одеяла, он стал обвивать меня ими, словно крыльями. Громко молил он Солнце и все живые существа, населяющие воздух, землю и воду, защищать меня и помогать мне во всех моих начинаниях.

Церемония близилась к концу. Красные Крылья поднял священную трубку, и все запели песню Птицы Грома. Не выпуская из рук трубки, старик стал плясать передо мной и вокруг костра. Наконец, он опустился на ложе и воскликнул:

— Я сделал для тебя все, что мог. Теперь ступай!

Одна из его жен протянула мне ружье. Я взял

его и вышел из вигвама. Мужчины и женщины, толпившиеся у входа, расступились передо мной. Я увидел Длинного Волка, стоявшего в стороне. Когда я проходил мимо него, юноша крикнул мне:

— Маленькая Выдра, сегодня ты начнешь поститься, а я иду на охоту! Хочу убить волка; мне нужна приманка для орлов.

Я вошел в наш маленький вигвам и опустился на груду звериных шкур. Мать дала мне поесть, потом подсела ко мне и, обняв меня, заплакала.

— Быть может, в последний раз подаю я тебе еду, — говорила она. — О, как я боюсь за тебя! Ты останешься один там, в горах, где рыщут дикие звери. Кто знает, вернешься ли ты в лагерь?

— Перестань хныкать! — прикрикнула на нее бабушка. — Твой сын уже не мальчик. Довольно ты с ним нянчилась. Теперь он взрослый мужчина. Какая бы опасность ему ни угрожала, он должен смело идти ей навстречу.

— Будь он твоим сыном, ты не была бы такой жестокой! — воскликнула мать.

— Был у меня сын, и я никогда над ним не хныкала, — возразила бабушка. — Я его сделала смелым воином. Ты, его жена, должна это знать.

Я понимал, что она желает мне добра, но не

мог вынести ее вечное ворчание. Есть мне не хотелось. Я взял большое меховое одеяло, ружье и объявил, что пора идти. Мать вызвалась меня проводить. Когда мы вышли из лагеря, она еще раз обняла меня, потом уселась на землю и, накрывшись с головой одеялом, заплакала.

Я переправился на другой берег реки и пошел по тропе, проложенной крупной дичью; вела она к верхнему озеру, я и знал, что в этом году никто из наших охотников здесь не проходил и не пройдет, лока не кончится мой пост. По этой тропе ходили только бизоны, лоси, олени, а также ночные хищники. Как я боялся, что они на меня нападут!

Миновав нижнее озеро, я вскарабкался на скалу, откуда срывался водопад нашей женщины-воина, которую звали Бегущий Орел. Некогда эта женщина постилась в темной пещере на склоне скалы. Я отыскал пещеру и, увидев черную дыру, подумал: «Она, женщина, не побоялась поститься в этой дыре. Здесь она увидела вещий сон. Неужели же я, мужчина, окажусь трусливее, чем она? Нет! Я буду храбрым!»

Я ускорил шаги и вскоре вошел в лес, который тянется до самого подножия Красной горы. Олени и лоси убегали, почуяв мое приближение. Выйдя

из леса, я стал взбираться по западному склону Красной горы. На лужайках паслись горные бараны и снежные козы; первые при виде меня обращались в бегство, а козы спокойно щипали траву и, казалось, меня не замечали.

На закате солнца я остановился и посмотрел вниз: у подножия горы раскинулось верхнее озеро. Здесь, на склоне, я нашел место, вполне удобное, чтобы поселиться для поста. Передо мной вставала скала вышиной со старую сосну, а в скале была маленькая пещера, где я мог укрыться от ветра и дождя. Шагах в тридцати — сорока от пещеры журчал источник, бивший из трещины в скале. Я спустился к источнику и напился холодной воды потом залез в пещеру, разостлал на земле одеяло и лег. Пещера была неглубокая, но каменистая глыба, нависшая над моей головой, должна была защитить меня от дождя.

Я лежал на боку, лицом к горной долине. Вершины гор были окрашены лучами солнца, но красноватые отблески быстро угасали. Озеро внизу почернело; я увидел на воде белые полосы, должно быть, по озеру плыли утки, но разглядеть их я не мог. Я боялся надвигающейся ночи. Стемнело. Тускло белел источник у подножия скалы. Впервые предстояло мне провести ночь в

полном одиночестве. Там, в далеком лагере, мать, Красные Крылья и даже моя ворчливая бабушка думали обо мне, желали мне успеха. Я вспомнил о них, и мне стало легче. И вдруг я вздрогнул и весь похолодел: из темноты донесся до меня протяжный крик. Казалось мне, ни одно живое существо не может издавать таких страшных звуков.

Глава четвертая

Сжимая в руке ружье, я затаил дыхание, сел и стал прислушиваться. Я боялся услышать снова этот страшный крик и, однако, чувствовал, что услышать его должен, — должен знать, какая опасность мне угрожает. Но все было тихо. Больше никто не кричал. Не слышал я и шагов. Ручей протекал в узкой мелкой ложбинке, тянувшейся от моей скалы вниз, по склону горы. Склоны ложбины были усеяны камнями, сорвавшимися со скал. Я знал, что они с грохотом покатились бы вниз, если бы какое-нибудь живое существо, хотя бы даже кролик, пробежало по склону. Я был уверен в том, что никто не пересекал ложбины с тех пор, как я спрятался в пещере. Но кто же тогда кричал? Существо без плоти, крови и костей? Тень умершего человека? Я припомнил все, что мне приходилось слышать о тенях умерших. Мне говорили, что они всегда молчат, и никто не может их увидеть. «Но если они невидимы, то можем ли мы знать, что они существуют?» — подумал я. Эта мысль меня успокоила.

— Я должен остерегаться не теней, а живого

человека или хищного зверя, — сказал я себе.

Вскоре тьма рассеялась, так как взошла луна. Она поднялась над острыми вершинами гор и осветила долину. Теперь мне виден был каждый кустик в мелкой ложбине, где сверкал ручеек. Вдали, на западе и востоке, резко вырисовывались очертания гор и скал. Озеро внизу у подножия горы засверкало, как зеркало белого человека. Зорко осматривался я по сторонам, но нигде не видно было ни одного живого существа. Я устал, мне хотелось спать, но я не смел лечь и сомкнуть глаза. Меня преследовало воспоминание о протяжном вопле. Закутавшись в одеяло, я просидел на страже всю ночь.

Когда, наконец, рассвело, я спустился к источнику. Жажды я не чувствовал и, однако, пил долго. Я знал, что постящийся не смеет пить в то время, как солнце сияет на небе. И женщины, которые строят вигвам, посвященный Солнцу, постятся в течение четырех дней и четырех ночей и пьют воду только перед восходом или после заката солнца. Пил я, чтобы не чувствовать днем мучительной жажды, а напившись, вернулся в свою пещеру. Мне очень хотелось есть, но я прогнал мысль о еде.

Перед восходом солнца к источнику прилетели

белые куропатки, и я обратился к ним с мольбой послать мне вещий сон. Они уже теряли свое белое зимнее оперение и начали покрываться желтыми перьями. Пришел на водопой старый волк и спугнул куропаток. Его зимняя шкура вылиняла и облезла. Я лежал, завернувшись в одеяло. Ветра не было, и волк меня не заметил и не почуял моего запаха. Мысленно я и к нему обратился за помощью. Когда он убежал, на водопой пришли горные бараны и снежные козы. Как всегда, самцы держались в стороне от самок и детенышей. Я помолился им всем, но мне было трудно удержаться от смеха, и я кусал себе губы, когда ягнята начали гоняться друг за другом, перепрыгивать через спины матерей и бодаться, хотя рога у них еще не прорезались. Были они очень маленькие, должно быть, родились несколько дней назад, но на ногах держались крепко и резвились без устали.

Последними пришли на водопой семь горных овец со своими детенышами. Одна из них, мать с двумя ягнятами, покидая ложбину, отстала от своих подруг и остановилась у груды камней; каждый камень был величиной с мою голову. Осмотревшись по сторонам, она повернулась к своим ягнятам и несколько раз топнула перед-

ними ногами.

Я не понимал, зачем она это делает, и стал озираться, думая, что она почуяла врага. Но поблизости не видно было ни одного хищного зверя. Вдруг я увидел, что ягнята опустились на колени и улеглись меж камней. Они словно слились с каменными глыбами, и теперь нелегко было их найти; волк или какой-нибудь другой хищник мог подойти к этому месту и не заметить их. Я понял, что мать уложила их спать; потому-то она и ударяла копытами.

Посмотрев еще разок на ягнят, горная овца последовала за своими подругами и, пощипывая траву, стала спускаться по склону. Оказалось, что и все остальные ягнята также исчезли, словно сквозь землю провалились.

Солнце поднималось все выше и выше, день обещал быть жарким. Шесть овец, пережевывая жвачку, улеглись на траву и вскоре заснули. Седьмая стояла на страже.

У меня слипались глаза. Я знал, что должен спать; ведь для того-то я и пришел сюда. Во сне я должен был встретить какое-нибудь животное, которое согласится стать моим помощником и защитником. Но я не мог забыть этого страшного крика, раздавшегося в ночи. Я не смел сомкнуть

глаз: хотелось мне узнать, кто кричал. Был ли я трусом? Не знаю. Но вряд ли кто на моем месте не поддался бы страху.

Солнце высоко стояло на небе, но глыба, нависшая над моей головой, заслоняла его от меня. Я частенько посматривал на овцу, которая стояла на страже. Она озиралась по сторонам, и я знал, что пока она стоит спокойно, никакая опасность мне не угрожает: горная овца издали заметит врага.

Было около полудня, когда она медленно подошла к отдыхавшим овцам и улеглась рядом с ними. Ближайшая к ней овца встала, потянулась, зевнула и заняла место караульной. Вдруг она подняла голову и посмотрела в мою сторону, а один из ее детенышей вскочил и побежал к ней. Делая большие прыжки, она бросилась ему навстречу. Вскочили и остальные овцы.

Сверху донесся шум, словно кто хлыстом рассекал воздух. Потом я ясно расслышал хлопанье крыльев. С неба прямо на бегущего ягненка упал орел; острые когти вонзились в спину. Мать подбежала к своему детенышу и передними копытами попыталась ударить орла, но было уже поздно. Огромная птица взмахнула крыльями и поднялась над склоном. Я слышал жалобное

блеяние ягненка, видел, как он мотает головой и дергает тонкими ножками.

Отлетев от горы, орел разжал когти, уронил свою добычу и тотчас же устремился вслед за ней. Я услышал глухой стук, когда ягненок упал на камни. Мне пришло в голову, что орел нарочно бросил его на камни; теперь голодным птенцам, ждавшим на одной из ближайших скал, легче будет клевать растерзанное тело. Когда улетел орел, я перевел взгляд на горных овец; вместе со своими детенышами они бежали на запад и вскоре скрылись из виду.

Я рассердился на орла за то, что он похитил ягненка, но, поразмыслив, признал себя неправым. Мог ли я бранить орла, когда и мы, люди, поступаем точно так же? Орлы питаются ягнятами, козлятами, кроликами и птицами, а люди убивают всех животных, потому что нуждаются в пище и одежде. С этими мыслями я заснул.

Проснулся я после захода солнца. Вздрогнув, я сел и окинул взглядом склон горы. Нигде не было видно ни одного живого существа. Спал я крепко и ничего во сне не видел. Мне стало грустно. «Кто знает, увижу ли я вещий сон и сколько времени придется мне провести в этой пещере?» — думал я. Я протер глаза, еще раз посмотрел на склон и

в сумерках спустился к источнику. Напившись, я поспешил назад в пещеру, но быстро идти не мог: от долгого поста я ослабел, и у меня подкашивались ноги.

Весь день дул легкий западный ветерок. К вечеру он стих. Спустилась темная ночь. Издалека доносился рев водопадов, низвергающихся с отвесных скал. Прислушиваясь к шуму воды, я вспомнил слова моего отца. «Падающие струи, — говорил он, — ведут между собой беседу, но мы не понимаем их языка. Голоса их звучат с незапамятных времен и будут звучать вечно. А мы, люди, рождаемся и умираем, и голоса наши замолкают навеки».

Никогда не слышал я, чтобы отец ругался или в раздражении повышал голос. Имя его было Утренний Орел, но в лагере дали ему прозвище Кроткий. Так звали его все — мужчины, женщины, дети. Кроткий! Да, дома был он ласковым и кротким, но наши воины говорили, что в бою он не отступал перед врагами и никому не давал пощады. Я лежал в темноте на склоне горы и думал об отце и о себе. Я хотел стать ловцом орлов, но не должен ли я был также вступить на тропу, пройденную моим отцом, и сражаться вместе с нашими вигвамами?

Громкий плеск в ручье заставил меня вздрогнуть. Я хотел было сбросить одеяло, в которое закутался, и вскочить, но мне удалось овладеть собой. «Смелей! — сказал я себе. — Лежи смирно! Ты должен лежать смирно».

Ха! Нелегко было это сделать! Как хотелось мне вскочить и убежать подальше!

Вскоре услышал я громкое фырканье и сопение, а легкий ветерок донес острый запах медведя.

Первый всплеск воды навел меня на мысль о медведе, и теперь я окончательно убедился в том, что медведь купается в ручье. Черного медведя я не боялся, но мне угрожала серьезная опасность, если в воде плескался гризли.

Ни разу еще не приходилось мне иметь дело с гризли, но слышал я о них много. Каждое лето несколько человек из нашего лагеря попадали в лапы гризли. Эти медведи — самые коварные из всех животных. Одни гризли, завидев человека, убегают, другие не обращают на него ни малейшего внимания, но бывают и такие, которые тотчас же переходят в наступление и убивают или калечат свою жертву.

Я слышал, как медведь вылез из ручья. Вода струйками стекала с него на землю. Потом раздался шум, напоминающий раскат грома. Медведь

отряхивался. Теперь я уже не сомневался в том, что это был гризли. Зашуршали кусты, из-под тяжелых лап медведя срывались камни, катились по склону. Слышно было, как длинные когти стучали о камни. Медведь шел прямо на меня!

О, как мне было страшно! Я весь дрожал и обливался потом. О бегстве нечего было и думать. Я знал, что в два прыжка он меня догонит. Оставалось одно: когда он поднимется к моей пещере, направить на него дуло ружья и спустить курок. Если я не убью его наповал, то быть может, вспышка огня и громкий выстрел его испугают, и, раненый, он обратится в бегство.

Лежи я неподвижно, он, пожалуй, не заметил бы меня и свернул бы в сторону. Но, прислушиваясь к его шагам, я почувствовал, что он направляется прямо к моей пещере. Я должен был повернуться, сесть и взять в руки ружье. Хотя я и старался не шуметь, но, должно быть, он услышал шорох. Громко захрапев, он побежал быстрее, и я понял, что он меня увидел. В несколько прыжков он поднялся по крутому склону. Было очень темно, но все-таки я разглядел огромное черное тело у входа в пещеру. Я наклонился, погрузил дуло ружья в длинную мягкую шерсть и выстрелил. Ослепительная вспышка — и я уви-

дел перед собой гигантского гризли. Раненый, он громко заревел, и я почувствовал на своем лице его горячее зловонное дыхание. Он лез дальше в пещеру, и нос его коснулся моей груди.

Прижавшись к каменной стене, я ждал смерти. Снова раздался страшный рев, и вдруг огромная черная масса медленно начала скользить назад и вниз. Тщетно пытался он удержаться, вонзить когти передних лап в каменный пол пещеры: силы ему изменили. Он пыхтел, сопел и, наконец, сорвался и покатился вниз по склону. Затем все стихло.

Я его убил! Одним выстрелом я убил самого большого медведя, какого мне когда-либо приходилось видеть. Я совершил великий подвиг! Величайшим подвигом считалось у нас убить врага — сиу, кроу, ассинибойна, — но и убившему серого медведя было чем похвалиться. Мысленно я представил себе, как я стою перед вигвамом, посвященным Солнцу, который хотели выстроить наши женщины, и говорю во всеуслышание:

— В месяц Новой Травы я постился в маленькой пещере на склоне Красной горы, к западу от верхнего озера Два Священных Вигвама. Во мраке ночи на меня напал большой серый медведь. Я приставил к груди его ружье, выстрелил и убил

наповал. Вот мой трофей: ожерелье из когтей гризли!

А когда я умолкну, воины будут восхвалять меня!

Размышляя об этом, я насыпал на ладонь немного пороху, взял пулю и зарядил ружье. Теперь я готов был померяться силами с любым противником.

Я потерял надежду увидеть в эту ночь вещий сон. Лежа на боку, я смотрел на Семерых [*Созвездие Большая Медведица*], медленно скользивших на север. Из-за гор заструился бледный свет: всходила луна, и в полумраке я разглядел внизу огромную тушу медведя. Он лежал у подножия скалы на пути к источнику. Когда луна высоко поднялась над горами, я спустился к медведю. Он был еще больше, чем я думал, величиной со старого бизона. Я заглянул в разинутую пасть и увидел четыре желтоватых клыка длиной с мой большой палец. Всю зиму он пролежал в берлоге, и шкура его еще не облезла и не полиняла. Волос был длинный темно-серый.

Несколько раз обошел я вокруг него, и чем дольше я на него смотрел, тем веселее становилось у меня на сердце. Я так был счастлив, что мне хотелось запеть победную песню. Я поставил

ногу на его мохнатый бок и чуть слышно запел; потом положил на землю ружье, достал нож и отрезал когти передних лап.

Теперь, когда пикуни одержимы желанием иметь красивые одеяла, одежду, бусы и лакомства белых людей, многие наши охотники сдирают шкуры с убитых ими медведей и обменивают их на товары. Не так было в дни моей молодости. Мы относились к ним как к любому из наших врагов — кроу, кри или ассинибойну. Вместо скальпа мы брали их когти, а мясо и шкуру приносили в жертву Солнцу. Срезав когти и спрятав их в мешок, я встал.

Затем я спустился к источнику, вымыл руки и нож, напился и побрел назад в пещеру. Около туши медведя я приостановился, полюбовался им и, наконец, медленно стал карабкаться по склону, с которого скатился медведь. На камнях темнели пятна крови.

Не прошел я и трех шагов, как что-то засвистело над моей головой и большая каменная глыба слетела по откосу слева от меня и упала в ложбину. Я побежал к пещере; задыхаясь и весь дрожа, я добрался до нее как раз в ту минуту, когда за моей спиной загрохотала вторая глыба. Я спасся чудом. Мне пришло в голову, что эти две глыбы

не оторвались от скалы, так как никакого треска я не слышал, а были кем-то сброшены с вершины. Кто-то хотел меня убить!

Мысль о новом враге привела меня в ужас. От голода я ослабел; встреча с медведем придала мне сил, но когда возбуждение прошло, я снова почувствовал слабость, и головокружение. И вдруг в тишине раздался протяжный крик, тот самый крик, который испугал меня в первую ночь. Повторился он трижды, и я похолодел от ужаса. Он доносился с вершины горы, и последние мои сомнения рассеялись: каменные глыбы не сорвались, а были сброшены! Там, на горе, скрывался враг.

Я решил, что Красные Крылья сделал ошибку, послав меня поститься на эту гору. Здесь мне со всех сторон угрожает опасность. Не успел я убить медведя, как появился новый и еще более страшный враг. Должно быть, это был воин из какого-нибудь западного племени, а все западные племена враждовали с нами. «Здесь я не увижу вещего сна, — думал я. — Я даже заснуть не могу от страха. Когда рассветет, я покину это место и вернусь домой».

Несомненно, враг мой знал, по какой тропе я пришел сюда, и, пожалуй, устроит засаду. При-

дется поискать другую тропу. А если я доберусь живым до лагеря, как стыдно будет признаться, что ничего во сне я не увидел и бежал с горы!

Глава пятая

Остаток ночи я просидел, прислонившись спиной к каменной стене и поджидая моего врага. Он так и не появился, и голоса его я больше не слышал. Наконец рассвело и я окинул взглядом склон горы, посмотрел на неподвижную тушу медведя и почувствовал, что при дневном свете страх покинул меня. Повсюду пели птицы. Белые куропатки прилетели к источнику. О, как не хотелось мне уходить отсюда! Я решил подождать еще несколько часов. К полудню мой враг, утомленный ночным бдением, подумает, что я не намерен отсюда уходить, и, быть может, заснет; вот тогда-то я и убегу. У меня слипались глаза, никогда еще не чувствовал я себя таким измученным и слабым, но я знал, что жизнь моя висит на волоске, и поклялся не смыкать глаз.

Солнце выплыло из-за гор и согрело мою пещеру. Я заметил, что горные бараны и снежные козы не приходили на водопой; из этого я вывел заключение, что враг мой находится где-то поблизости. Наконец, с востока пришло стадо баранов. Приблизившись к ручью, животные увидели

убитого медведя или почуяли его запах и тотчас же повернули назад. Рысцой прибежал волк — тоже с востока; высоко задрав морду и навострив уши, он втягивал носом воздух. Увидев медведя, он остановился как вкопанный и долго смотрел на него, не зная, что делать. Должно быть, его мучила жажда; косясь на медведя, он быстро спустился к ручью, напился и убежал на запад.

И горные бараны и волк пришли с востока по тропе, которая вела к водопадам Бегущего Орла. Теперь я был почти уверен в том, что мой враг скрывается не на этой тропе. Я решил покинуть пещеру, спуститься на тропу и бежать на восток. И все-таки я мешкал. Я был так слаб, что мне казалось, будто враг тотчас же меня догонит.

Над головой моей раздалось громкое карканье. Я посмотрел на небо и увидел большого орла, кружившего над скалой; за орлом летал ворон и, казалось, пытался клюнуть своего врага. Но тот не обращал на него внимания и поднимался все выше и выше. Наконец, ворон отказался от погони и полетел к горе. Я потерял его из виду, но вскоре он промелькнул мимо моей пещеры, опустился прямо на голову медведя и выклевал ему глаз. Затем ворон зашагал по огромной туше и острым клювом стал долбить шкуру в том месте,

где кончаются ребра. Продолбив ее, он добрался до печени и жадно стал есть.

У меня болела спина. Я лег, не спуская глаз с ворона, которого мы считаем самой мудрой из всех птиц.

«О, если бы он мне приснился! — думал я. — Хорошо было бы иметь его своим помощником!»

Дважды ловил я себя на том, что у меня слипаются глаза. Я боролся с дремотой и не заметил, как заснул. Последней моей мыслью была мысль о вороне.

Я проснулся, сел и, сжимая в руке ружье, осмотрелся по сторонам. Взглянув на солнце, я убедился, что до полудня еще далеко. Значит, спал я недолго, но каким бодрым и сильным чувствовал я себя теперь! Наконец-то, приснился мне сон! Пока я спал, моя тень искала помощника и нашла его. Ясно припомнилось мне все, что я видел во сне. Я скитался по холмистой стране и, встретив барсука, попросил его быть моим помощником, но он ничего мне не ответил и скрылся в своей норе. Потом повстречались мне антилопа, волк, койот, старый бизон и лисица, и ко всем взывал я о помощи. Одна только лисица дала мне ответ.

— Там, за холмом, — сказала она, — живет тот, кто согласится стать верным твоим помощником

и защитником. Ступай к нему.

И снилось мне, что я спустился с холма, вошел в рощу и побрел вдоль ручья.

— О вы, живые существа, населяющие леса, равнины воды и воздух! — кричал я. — Сжальтесь надо мной! Пусть кто-нибудь из вас согласится быть моим помощником и защищать меня от всех опасностей, какие могут повстречаться на моем пути!

В лесу было много птиц. Они порхали с ветки на ветку и громко пели. Две выдры резвились в ручье; на берегу сидел барсук и грыз кору ивы. Длинноногий кролик притаился под кустом шиповника; поодаль отдыхали два белохвостых оленя. И птицы и животные, казалось мне, прислушивались к моей мольбе, но ничего мне не отвечали. Я так устал, что не мог идти дальше. Опустившись на землю, я закрыл глаза и подумал: «Никто не хочет мне помочь. Здесь я умру».

И хотя глаза были закрыты, но я увидел страну Песчаных Холмов, а у подножия их — большой лагерь. Между вигвамами бродили тени людей, лошадей, собак. Я узнал тени отца, брата, нескольких друзей. Лица их были печальны. О, как не хотелось мне идти в эту страну теней!

Вдруг раздалось хлопанье крыльев, и я услы-

шал громкий голос:

— Ты взывал о помощи. Я пришел. Я открыл глаза, сел и увидел перед собой большого ворона.

— О ворон! — воскликнул я. — Не покидай меня, будь вечным моим помощником и защитником!

— Сначала узнай, кто я, — ответил он. — Не думай, что я один из тех воронов, которых ты ежедневно видишь. Я предок их, «древний ворон». Давно уже слежу я за тобой и знаю, что у тебя доброе сердце. Да, я буду твоим помощником. Призывай меня всякий раз, когда угрожает тебе опасность, и я не откажу тебе в защите.

— О великодушный ворон! Как мне благодарить тебя! — вскричал я.

Не знаю, что бы я еще ему сказал, но вдруг на моих глазах произошло чудо, и слова замерли у меня на языке: птица превратилась в человека — прекрасного воина в боевом наряде, сверкающем, как солнце. Был он так красив, что я не мог оторвать от него глаз. Еще секунда — и видение исчезло. Снова увидел я перед собой птицу; она взмахнула крыльями и, громко каркая, полетела на запад.

Я проснулся, сел и стал припоминать все, что привиделось мне во сне.

Я не сразу сообразил, что цель моя достигнута:

я обрел тайного помощника. И помощником моим была самая мудрая из всех птиц. Наконец, вспомнил я о том, что где-то поблизости скрывается тот, который хочет меня убить. Оставив одеяло в пещере, я крадучись спустился на тропу, проложенную дичью, и побежал домой. Спал я недолго, но сон придал мне сил, и бежал я быстро. В руке я сжимал ружье и на бегу осматривался по сторонам и часто озирался, чтобы узнать, нет ли погони. Но никто меня не преследовал. У меня мелькнула мысль, не устроил ли враг засады, но при виде горных баранов и коз, разбегавшихся при моем приближении, я убедился, что путь свободен.

Бараны, завидев меня, взбирались на скалы и оттуда смотрели вниз, но я был слишком слаб, чтобы их преследовать, хотя голод меня мучил и мне очень хотелось убить одного из них.

Когда я подошел к водопаду Бегущего Орла, силы мне изменили. Выйдя на лужайку, я, как подкошенный, упал на траву. Вскоре услышал я голоса и топот копыт. На тропу выехали трое всадников — это были охотники из нашего лагеря. С трудом я привстал, замахал им рукой и снова упал на траву. Они узнали меня и поспешили ко мне на помощь.

— Ха! Это ты? — воскликнул один из них, великий охотник, которого звали Глаза Лисицы. — Красные Крылья оповестил весь лагерь о том, что ты ушел поститься на Красную гору. Ну, как? Помог ли тебе пост?

— О, да! Теперь у меня есть могущественный помощник.

— Кто же он такой? — улыбаясь спросил один из охотников.

— Один только Красные Крылья узнает, кто он, — коротко ответил я.

Охотники громко расхохотались. Этот вопрос они мне задали только для того, чтобы меня подразнить. Они прекрасно знали, что никому, кроме Красных Крыльев, не расскажу я о своем тайном помощнике.

— Слушайте все, — продолжал я, — там, на Красной горе, мне угрожала смерть. На меня напал большой медведь, и я его убил. В этом мешке хранятся его когти. Затем невидимый враг пытался меня убить. С вершины горы, он сбросил две каменные глыбы. Должно быть, он спал, когда я убежал из пещеры на склоне горы, где я постился. О, не осуждайте меня за то, что я оттуда бежал! Я был слишком слаб, чтобы встретиться с врагом. У меня едва хватило сил добраться до

этого водопада, и дальше я уже не мог идти.

— Конечно, мы тебя не осуждаем! Ты поступил правильно, — сказал Глаза Лисицы, и другие двое с ним согласились.

Они попросили меня точно описать место, где я постился и где, по моему мнению, скрывается воин, сбрасывавший с горы камни. Выслушав меня, Глаза Лисицы проговорил:

— Мы хотели переправиться через реку, углубиться в лес и поохотиться на оленей. Но теперь мы пойдем по следу другой дичи и отыщем твоего врага. Садись на мою лошадь и поезжай домой.

Они помогли мне сесть на лошадь и заботливо спросили, хватит ли у меня сил доехать до лагеря. Затем они привязали к деревьям двух других лошадей, и мы распрощались. Моя лошадь чувствовала, что мы возвращаемся домой, и бежала рысью. Было после полудня, когда я остановил ее перед нашим вигвамом. Мать и бабушка помогли мне сойти с лошади и уложили на ложе из шкур. Прибежал старик Красные Крылья. И ему, и женщинам очень хотелось знать, видел ли я вещий сон, и они засыпали меня вопросами. Я сказал им только, что все благополучно, а затем попросил есть. Мать дала мне похлебки, и, утолив голод, я крепко заснул.

Было после полуночи, когда я проснулся. Несмотря на поздний час, мать не ложилась спать и караулила мой сон. У костра стоял горшок с вареным мясом и похлебкой, и я снова принялся за еду. Проснулась бабушка, и я стал рассказывать им о днях поста, но не назвал имени священной птицы, которая обещала быть моим помощником. Как они меня хвалили, когда я показал им когти медведя!

Затем сообщили они мне новости хорошие и плохие. Вечером вернулись в лагерь охотники и принесли скальп моего врага. Человек, сбросивший с гор две каменные глыбы, оказался индейцем из племени снейк; они узнали это по повязке из меха и перьев. Когда они подкрались к нему, он сдирал шкуру с моего медведя, и отрывая куски мяса, поедал их сырыми. Несомненно, он видел, как я отправился в обратный путь, и воспользовался моим уходом, чтобы завладеть шкурой, а также одеялом, которое я оставил в пещере. Наши охотники убили его и сняли скальп. Я обрадовался этому известию. Скоро бабушка сообщила мне еще одну новость: хотя Длинный Волк хвастал, что пойдет ловить орлов, но в последнюю минуту струсил. Вместо того чтобы засесть в ловушку, он поехал в форт белых,

обменял лошадь на виски и напившись ввязался там в драку. Его избили, и в лагерь он вернулся чуть живой.

Солнце высоко стояло на небе, когда я проснулся и, завернувшись в одеяло, побежал к реке. На берегу я увидел приятелей, мальчиков моих лет. Несколько дней назад они играли и шутили со мной, а сейчас приветствовали меня робко, словно впервые увидели. Я понял, что их смущает: всему лагерю стало известно, что я постился и совершил подвиг: убил большого медведя.

Теперь эти подростки уже не смотрели на меня, как на товарища. Они относились ко мне почтительно, и я порадовался этому, хотя в глубине души жалел, что не могу принимать участия в их играх.

Синуски и Нипока прыгнули в воду вслед за мной и, выкупавшись, вылезли на берег. Волчонок никого к себе не подпускал, кроме меня; боялся он даже моей матери, которая давала ему есть, а на бабушку сердито ворчал. Любил он меня одного, и эта мысль доставляла мне утешение.

Когда я вылез из воды, мои товарищи уже ушли. Одевшись я поспешил домой. Проходя мимо вигвамов клана «Никогда не Смеется», я услышал пение знахаря, который врачевал какого-то боль-

ного. Но я не обратил на это внимания и даже не задал себе вопроса, кто может быть болен.

Когда я вошел в наш вигвам, мать сказала, что Красные Крылья присылал за мной. Я побежал к нему; мне хотелось поделиться моими сомнениями. Он усадил меня на ложе и приказал жене, «сидящей рядом с ним», дать нам поесть. Я всматривался в его спокойное умное лицо, и легче становилось у меня на душе. Пока мы ели, я рассказывал ему о встрече с медведем и о враге, скрывавшемся на вершине горы. Когда женщины убрали посуду, он приказал им всем покинуть вигвам. Как только опустилась за ними занавеска, он повернулся ко мне и сказал:

— Ну, вот мы и одни. Говори, что видел ты во сне.

Я описал ему «древнего ворона», рассказал, как на моих глазах птица превратилась в человека. Когда я умолк, старик захлопал в ладоши и воскликнул:

— Моя надежда оправдалась! Я был уверен, что на склоне Красной горы ты увидишь вещий сон. Как я рад, что «древний ворон» согласился быть твоим тайным помощником! Теперь никакой враг тебе не страшен.

Вдруг в вигвам вбежала какая-то старуха и,

упав на колени, захныкала:

— Хаи-йю, Красные Крылья! О великий жрец Солнца! Сжалься над моим внуком, Длинным Волком! Пожалей и меня, его бабушку! Он болен! О, как он страдает! Мы просим тебя прийти и помочь ему!

— Женщина, какая болезнь поразила Длинного Волка? — спросил Красные Крылья.

— Его избили в драке, — простонала она. — Вчера он поехал к белым, напился огненной воды. Лицо его распухло. Он ничего не видит. И кашляет он кровью. Красная Шкура лечит его травами и поет священные песни, но ему становится все хуже и хуже. Приди и помоги ему! Тебе известны все целебные травы.

— Женщина, — сурово сказал старик, — твой внук высмеивал наши нравы и обычаи, смеялся над всеми нами. Белые научили его пить, и он водил с ними дружбу. По своей воле вступил он на тропу белых людей, и за это наказан. Я не пойду к нему. Ступай!

Старуха посмотрела ему в лицо, поднялась с колен и, рыдая, вышла. А мне стало жаль и ее и Длинного Волка. О, если бы старик попытался ему помочь!

Дважды в течение дня заходил я к Красным

Крыльям и каждый раз заставал у него гостей. Как медленно тянулось время! Я ждал, что старик скажет мне: «Теперь ты можешь ловить орлов!» Мне хотелось подняться на какую-нибудь высокую гору и вырыть яму для ловушки. Тяжело было сидеть сложа руки, когда я горел желанием приняться за работу. Я прислушивался к песням, доносившимся из вигвама Длинного Волка; старый знахарь Красная Шкура врачевал больного. Я узнал от женщин, что все жрецы Солнца отказались лечить Длинного Волка, а из всех знахарей, мужчин и женщин, один только Красная Шкура пытался ему помочь.

На закате солнца гости Красных Крыльев разошлись по своим вигвамам, а я поспешил к старику.

— Я хочу ловить орлов, — сказал я. — Укажи мне место, и завтра же я начну рыть яму.

Он улыбнулся, покачал головой и ответил:

— Нет, не завтра, сын мой! Не завтра, а, быть может, через несколько месяцев.

— Но я уже видел вещий сон! У меня есть помощник — древний ворон! — воскликнул я. Знаком он приказал мне молчать.

— Ответь мне на вопрос, — сказал он: — кто носит орлиные перья и почему?

— Мужчины носят их. Потому что перья красивы.

— Перья некоторых горных и водных птиц еще красивее, но ими никто себя не украшает. Мужчины надевают военные головные уборы из орлиных перьев и этими перьями украшают щиты, потому что орел — самая смелая птица, священная птица, которую возлюбило Солнце. И перья ее являются символом храбрости. Вот почему только смелые люди, сражавшиеся с врагами и совершившие много подвигов, могут быть ловцами орлов.

— Но я тоже совершил подвиг! Разве я не убил медведя?

— Для ловца орлов мало совершить один подвиг! Я напомню о данном тобою обещании: ты сказал, что не свернешь с тропы, которую я тебе укажу, если соглашусь быть твоим помощником.

— Да, это мои слова, и я могу их повторить, — ответил я.

— Хорошо сказано, сын мой! Я еще не знаю, хватит ли у тебя мужества и сил стать ловцом птиц, парящих в синеве. Сначала ты должен пойти на войну и, сражаясь с нашими врагами, совершить хотя бы один подвиг, — закончил он, и, махнув рукой, дал мне понять, что я могу идти.

— Красные Крылья говорит, что я должен пойти на войну, — сказал я матери, вернувшись в наш вигвам.

— О нет! Не сейчас, сын мой! Позднее! Через две-три зимы…

— Конечно, он должен идти на войну, как только вождь какого-нибудь военного отряда согласится его принять и назначить носителем своей трубки, — вмешалась бабушка.

Мать ни слова ей не ответила, но, приготовляя нам ужин, тихонько плакала.

Я всегда знал, что рано или поздно пойду на войну. Все юноши об этом мечтали, все, за исключением трусов. Был в нашем лагере один трусливый человек, от которого отказалась родная семья. Вожди заставили его носить женское платье и исполнять женскую работу. Жалкое влачил он существование.

Вспомнив о нем, я содрогнулся и невольно задумался о том, каково будет мне, когда я впервые встречусь с врагами. Испугаюсь ли я? Да, но я сделаю все, чтобы побороть страх и завоевать хотя бы один трофей.

Грустно мне было в тот вечер, и тропа к орлиной ловушке казалась бесконечно длинной.

Глава шестая

На следующее утро мы узнали, что Красные Крылья внял мольбам родственников Длинного Волка и согласился помочь больному. Настой из целебных трав принес пользу, кровь горлом уже не идет, и опухоль на лице начала спадать.

— Ха! Незачем было идти к нему! — воскликнула моя бабушка. — Он заслуживает смерти, потому что послушался белых торговцев и вступил на их тропу.

— Он еще очень молод. Нужно его пожалеть, — сказала мать.

— Я уверен, что теперь он выздоровеет! — воскликнул я. — Мне жаль его.

— Не хочу я сидеть здесь и слушать, как вы жалеете этого мальчишку! Пойду-ка я в вигвам Быстрого Бегуна, его жены дадут мне поесть, — проворчала бабушка.

Выходя из вигвама, она что-то бормотала себе под нос.

— И все-то она сердится и бранит нас! — сказал я. — Ничем ей не угодишь.

— Много зим прожила она на свете, — отозва-

лась мать. — Мы должны терпеливо выслушивать ее воркотню.

Молча мы поели. Я знал, что мать тоскует, думая о войне и грозящей мне опасности. А мне хотелось знать, скоро ли пойду я на войну и какой отряд примет меня в свои ряды.

Поев, я пошел на пастбище, чтобы отвести лошадей на водопой. Синуски и Нипока следовали за мной по пятам. Волчонок стал таким толстым, что ему трудно было бежать; он начал отставать, и мне пришлось взять его на руки. Я заметил, что он и сообразительнее и любознательнее, чем щенки. Он обнюхивал камни, кусты, траву, отыскивал следы животных, пробегавших здесь ночью. Я нашел лошадей, вскочил на одну из них и посадил перед собой Нипоку. Он очень любил ездить вместе со мной на лошади: вилял пушистым хвостом и старался лизнуть меня в лицо.

Напоив лошадей и отведя их снова на пастбище, я побежал сначала к Красным Крыльям, а затем к Быстрому Бегуну. Я хотел их спросить, не знают ли они, кто набирает военный отряд, чтобы совершить набег на наших врагов. Они назвали мне трех старейшин, и я обошел по очереди всех троих. Каждого я просил принять меня в отряд и поручить мне обязанности носителя трубки. Не

забыл я упомянуть о том, что уже постился, видел вещий сон и имею тайного помощника.

Но они ответили мне, что я опоздал. Каждый из них уже выбрал подростка, который должен был нести его трубку и прислуживать ему.

Уныло плелся я к Красным Крыльям, и старик стал меня утешать. Сказал, что позднее другие отряды вступят на тропу войны, и мне позволено будет к ним присоединиться. А пока он разрешил мне пользоваться его ружьем и снабжать мясом и шкурами два вигвама — его и моей семьи. Затем он приказал жене, «сидящей рядом с ним», подать ему мешок, который лежал в глубине вигвама. Развязав завязки, он достал из мешка два капкана для бобров, купленные у белых торговцев из форта Красных Курток.

— Вот они! — воскликнул он, бросив их на землю к моим ногам. — Давненько я ими не пользовался. Никогда и никому я их не давал, потому что наши охотники народ легкомысленный и не берегут чужого добра. Но тебе я их даю: хотя ты и молод, но я знаю, что ты будешь их беречь. Бери их всякий раз, как они тебе понадобятся. Лови бобров и терпеливо жди, когда представится возможность идти на войну. А шкурки пойманных тобой бобров ты обменяешь на ружье.

— Но я не умею ставить капканы для бобров, — возразил я. — Охотники племени каина не хотели меня научить. У каждого из них был какой-то тайный способ ставить капканы, им самим изобретенный, и они никому не открывали секрета.

— Знаю, знаю! То же самое говорят и наши охотники, но все это пустые слова. Есть только два-три способа ставить капканы, и охотники узнают их от старших или сами эти способы открывают.

Сейчас еще рано; приведи-ка двух лошадей; хоть я и стар, но научу тебя ловить этих умных зверьков. Я привел двух моих лошадей и, оседлывая их, слышал, как старик пел в своем вигваме песню Волка. Затем он сказал женам:

— Хай. Давненько я не пел этой песни, которая приносит счастье охотнику! Сегодня я себя чувствую сильным и бодрым, и мне хочется помочь нашему юному родственнику. С ним я сам словно молодею.

Он вышел из вигвама, держа в одной руке капканы, в другой — ружье. Передав капканы мне, он вскочил на лошадь и крикнул:

— В путь! Бобры, мы несем вам смерть!

На нем была надета шапка из меха, покрывающего голову волка. Черный нос волка спускался ему на лоб, а широкие уши торчали вперед.

Посмотрев на меня, он коснулся рукой шапки и сказал:

— Когда-нибудь я подарю ее тебе. Она приносит счастье охотнику.

Глава седьмая

Выехав из долины, мы свернули на юго-запад, пересекли лес и увидели южный рукав реки Два Священных Вигвама. Здесь я нашел следы бобров, запруды новые и старые; на берегу валялись палки и сломанные ветки — строительный материал умных зверьков. Но на тропе, по которой мы ехали, виднелись следы копыт, значит, здесь частенько проезжали наши охотники. Старик хлестнул лошадь и крикнул мне:

— Я знал, что люди из нашего лагеря ставят здесь ловушки. Не беда! Мы поедем дальше, и я покажу тебе такие запруды, которые никто еще не нашел.

Мы повернули на север и, поднявшись по крутому, поросшему лесом склону, поехали вдоль ручья. Ручеек был узкий; кое-где он имел в ширину не больше четверти шага. Взглянув на него, я подумал, что бобры не могут жить в таком маленьком ручье; должно быть, старик забыл те тропы, по которым проезжал много лет назад. Мне хотелось спросить его, не сбился ли он с пути, но я не посмел. Держал он путь прямо к

скалистым гребням гор.

Мы поднимались все выше и выше и, наконец, увидели широкую круглую котловину между двумя горами. Старик остановил лошадь на склоне горы и, подозвав меня к себе, указал вниз. По краям котловина заросла ивами, осинами и тополями, а в центре виднелись пять запруд, разделенных плотинами, и эти плотины сделаны были бобрами.

Я не верил своим глазам; неужели маленький ручеек, вдоль которого мы ехали, доставлял достаточное количество воды в эти пять прудов?

— Я привел тебя сюда, на этот склон, чтобы ты сразу увидел все пять запруд, — сказал мне Красные Крылья. — Как ты думаешь, много ли можно поймать здесь бобров?

— Много! Больше, чем нужно, чтобы купить ружье, — тихо отозвался я.

Мне было очень стыдно. Я бранил себя за то, что усомнился в старике.

— Когда я в последний раз приезжал сюда — о, сколько лет прошло с тех пор! — было здесь только две запруды. А теперь их пять! Я рад за тебя. За работу! Ты научишься ставить ловушки и купишь себе ружье.

Мы сошли с лошадей и направились к ниж-

нему пруду. Плотина из ивовых прутьев была возведена недавно и облеплена грязью. Несколько троп вели от пруда к роще. Высоко над водой поднимались три новые и четыре старые хатки — жилища бобров.

— Если считать на каждую хатку по пяти бобров, старых и молодых, здесь, в этом пруду, водится не меньше тридцати пяти бобров, — сказал мне старик.

Одна из тропинок спускалась к самой воде; земля здесь была еще влажная. Должно быть, по этой тропинке проходили ночью бобры-работники.

Красные Крылья показал мне, как нужно ставить капкан, и охотно отвечал на все мои вопросы. Прежде всего он объяснил мне, что капкан следует ставить так, чтобы бобр не вытащил его на берег или на мелководье, где он может отгрызть попавшую в зажим лапу и убежать.

Затем старик срезал ивовый шест длиной в три шага. Один конец этого шеста был раздвоен, а другой свободно проходил в звено цепи, прикрепленной к капкану. Мелкие веточки на шесте он обрубил наискось, так, чтобы звено не могло соскользнуть и цеплялось за зазубрины. Капкан был уже насторожен — в тиски вставлен был сторожок, или подпорка, державшаяся на

пружине; достаточно было коснуться ее, чтобы капкан захлопнулся.

Красные Крылья опустил капкан в воду и поставил у самого берега, слегка зарыв в грязь, чтобы не отнесло его на середину пруда. Бобр, подплыв к откосу и вылезая на сушу, упирался передними лапами в берег, а задние болтались в воде; одна из задних ног должна была коснуться сторожка и попасть в тиски.

Поставив капкан и продев шест в звено цепи, старик опустился на колени у самого края воды и глубоко загнал шест в илистое дно; раздвоенный конец был обращен вверх. Загнал он его наклонно, так что весь шест был покрыт водой. По обе его стороны он вбил под водой два крепких колышка, верхние концы которых перекрещивались и удерживали шест в наклонном положении; чтобы приподнять его или оттянуть в сторону, нужно было сначала вытащить колышки.

Покончив с этим делом, старик стал черпать рукой воду и поливать склон и то место, где стоял на коленях. Делал он это для того, чтобы бобры не почуяли его запаха. Затем на цыпочках он подошел ко мне.

— Ну вот! — сказал он. — Капкан поставлен неплохо. Сегодня ночью бобр пойдет в рощу за

ветками для плотины и, вылезая на берег, попадет задней лапой в капкан. Когда сожмутся тиски, он почувствует боль, испугается и подумает, что какой-нибудь враг напал на него с суши. Он повернется и нырнет увлекая за собой капкан и цепь. Звено скользнет по шесту и дойдет до раздвоенного конца, с которого не соскочит. Дальше бобр плыть не может; снова он поворачивает и плывет к берегу, чтобы, выбравшись на сушу, отгрызть попавшую в тиски лапу. Но звено застревает на первой же зазубрине, и бобр вынужден остановиться. Он начинает задыхаться и всплывает на поверхность. Трудно тащить ему за собой тяжелый капкан и цепь, которые влекут его ко дну. Выбившись из сил, разгребает он лапами воду. Набрав воздуха в легкие, он скрывается под водой; потом поднимается еще два-три раза и, наконец, идет ко дну. Несколько пузырьков воздуха появляются на поверхности пруда; все кончено: бобр утонул и лежит на дне.

— Ты говоришь так, как будто сам все это видел! — воскликнул я.

— Да, три раза видел я, как бобр попадает в ловушку, и каждый раз повторялось одно и то же: сначала он нырял, затем выплывал подышать на поверхность и, наконец, шел ко дну, раньше чем

я успевал сосчитать до пяти-десяти.

— Ты мне сказал, что есть два или три способа ловить бобров.

— Да. Зимой, когда пруды замерзают, нужно прорубить дыру во льду перед одной из хаток, в которых живут бобры. Если заглянуть в дыру, можно увидеть под льдом входы в хатку. Вот перед этими-то входами и ставят капкан. Его осторожно спускают вниз на палке, а звено цепи скользит по длинному гладкому шесту, который глубоко загоняют в илистое дно, а верхний его конец торчит из проруби. Есть еще один способ ловить этих мудрых зверьков-строителей. Подобно людям, собакам, волкам и другим животным, они очень любопытны: каждому из них хочется знать, что делает его собрат. Этим свойством пользуется охотник. Поймав бобра, он вырезает у него железы, наполненные желтым густым и очень пахучим веществом. Поставив капкан он смазывает этим веществом кончик ветки, которую втыкает около самого капкана в илистое дно так, что верхушка ее поднимается над водой. Первый же бобр, почуяв запах, подплывает к ветке и обнюхивает ее; в это время задняя половина его туловища погружена в воду; одна из задних лап ударяет по сторожку, и капкан захлопывается.

Каждому ловцу бобров нужно иметь это пахучее вещество; не всегда удается поставить капкан у откоса, по которому бобры вылезают на сушу. Случается, что у берега слишком мелко, и вода не покрывает шеста и капкана. Тогда следует отыскать другое место, поглубже, и смазать ветку пахучим веществом, чтобы привлечь бобров к капкану.

— И больше никаких способов нет?

— Расскажу тебе еще об одном. Если у ловца бобров нет пахучего вещества, а у откосов слишком мелко, то следует слегка повредить плотину так, чтобы она пропускала воду. Перед самым отверстием с внутренней стороны плотины охотник ставит капкан. Вечером бобры выходят из своих жилищ, замечают, что плотина повреждена и спешат ее исправить. Первый же бобр, добравшийся до этого места, попадает в капкан. Мне этот способ не нравится. Попробуй-ка разрушить плотину, и ты увидишь что это нелегкое дело. Ветки и палки так туго переплетены и так плотно облеплены грязью, что разрушить плотину почти невозможно.

— Как ты добр, Красные Крылья! — воскликнул я. — Ты научил меня ставить капканы и рассказал мне все, что сам знаешь о бобрах. Теперь,

если я услышу, как кто-нибудь восхваляет способ ловить бобров, ему одному известный, я посмеюсь над ним!

— Нет, нет! — перебил старик. — Никогда не смейся над хвастунами и не говори лжецам, что они лгут. Если когда-нибудь ты станешь вождем — а как бы я хотел дожить до этого дня! — помни, что ты должен быть смелым, честным, великодушным и снисходительным к глупцам. А теперь поставим второй капкан и пойдем домой.

Второй капкан поставил я в дальнем конце пруда и, по словам старика, сделал это не хуже, чем он.

С нетерпением ждал я следующего утра. На восходе солнца я побежал к реке и выкупался вместе с Синуски и волчонком. Потом я пригнал лошадей, оседлал одну из них и поехал к пруду осмотреть капканы. Собака побежала за мной, а волчонка я посадил в мешок, привешенный к луке седла.

Держа на коленях ружье Красных Крыльев, я проехал через весь лагерь и, осматриваясь по сторонам, ловил взгляды всех встречных. Был я хорошо одет, ехал на быстром коне и вез ружье; мне хотелось, чтобы все любовались мною.

Я догнал двух охотников и вместе с ними, дое-

хал до южного рукава реки, где были расставлены их капканы. Один из них спросил меня, где поставлен мой капкан, а я ответил уклончиво:

— Там, дальше…

Они засмеялись, и другой охотник воскликнул:

— Мы это место знаем. Скоро мы там с тобой встретимся.

Я приуныл. Мне хотелось, чтобы никто не знал об этих пяти запрудах. Проезжая вдоль ручья, я увидел несколько оленей и лосей, но не пытался их подстрелить, так как спешил взглянуть на капканы. Чем ближе подъезжал я к запрудам, тем сильнее волновался. Завидев издали нижнюю запруду, я сошел с лошади, привязал ее к дереву, и, выпустив из мешка Нипоку, стрелой полетел к капкану. Добежав до откоса, я остановился и уставился в воду. Ясно разглядел я шест и верхушки колышков, но глубже ничего не было видно. Мне показалось, что шест даже не отклонился в сторону, а тропинка, проложенная бобрами, высохла за ночь. Даром пропали труды старика!

Я был так огорчен, что чуть не заплакал. Медленно поплелся я ко второму капкану — к тому, который я сам поставил. Потом раздумал, вернулся к откосу и, взяв тонкую палку, стал шарить ею по илистому дну, отыскивая первый капкан. Я

хотел убедиться в том, что он не сдвинут с места.

Вдруг я вспомнил, что накануне, когда старик поставил капкан, ясно можно было разглядеть первое звено цепи на месте. А теперь его не было видно! Быстро выдернул я колышки, схватил обеими руками шест и начал тащить его из воды. Это было дело нелегкое; я напряг все силы и; наконец, вытянул шест и цепь, а затем и бобра — большого бобра, съежившегося и окоченевшего. Передние его лапки были плотно прижаты к груди. Я схватил его за хвост, оттащил от пруда и бросил на землю.

Нипока тотчас же прыгнул к нему; я отогнал волчонка, но он вернулся и, громко ворча, пытался укусить мертвого зверька.

Как я был счастлив! Усевшись на землю, я смотрел на бобра, любовался пушистым мехом, широким плоским хвостом и думал о том, какой большой обруч придется взять, чтобы на нем растянуть и высушить шкуру.

Потом я вскочил и побежал ко второму капкану. Не увидев звена цепи, я понял, что еще один бобр пойман. Быстро вытащил я его на берег, высвободил заднюю его лапку из тисков и положил зверька на траву рядом с первым бобром. Любуясь своей добычей, я считал себя богачом.

Мне оставалось поймать еще тридцать восемь бобров, и тогда я могу купить ружье. По пальцам я сосчитал сколько дней уйдет на ловлю. Только девятнадцать дней! Как мало! Меньше чем через месяц у меня будет ружье!

Оставив Синуски и волчонка караулить бобров, я насторожил оба капкана и опустил их на дно. Затем, связав бобров за задние лапы, я перебросил их через седло, Нипоку посадил в мешок и поскакал домой.

Мать осыпала меня похвалами, и даже бабушка улыбнулась, когда я положил у входа в вигвам двух больших бобров. Они просили меня войти и отдохнуть. Я свое дело сделал и заслужил отдых: они сами отведут мою лошадь на пастбище, сдерут с бобров шкурки и растянут их на обручах для просушки. А на ужин я получу лакомое блюдо: поджаренные хвосты бобров.

Но я не мог усидеть на месте: хотелось мне поскорее рассказать Красным Крыльям об удачной ловле. Я побежал к нему, рассказал все, как было, и объяснил, что снова поставил оба капкана. Завтра я принесу еще двух бобров, а через девятнадцать дней будет у меня сорок шкурок, которые я обменяю на ружье.

Слушая меня, старик тихонько посмеивался.

Должно быть, его забавляла моя юношеская восторженность и вера в удачу. Ну, что ж! Быть может, я ошибаюсь; быть может, не так скоро удастся мне купить ружье. Пожалуй, выпадут и такие дни, когда я буду приносить по одному бобру. Беда не велика! Ружье я все-таки куплю.

Но вдруг я выпрямился и стал оглядывать себя, свою одежду, руки. Провел рукой по лицу и волосам. Что такое? Почему не только старик, но и жены его посматривают на меня и усмехаются?

Я рассердился и воскликнул:

— Почему вы надо мной смеетесь? Что смешного во мне?

— Ничего, ничего, — успокоил меня старик, — а смеемся мы потому, что у меня есть для тебя новость. Долго не придется тебе ловить бобров!

— Как? Почему? Да ведь я должен добыть сорок шкурок!

— Я буду ловить для тебя, сын мой, а ты пойдешь на войну.

— На войну?! — повторил я, не веря своим ушам.

Все громко расхохотались.

— Довольно! — прикрикнул старик на своих жен и, когда они притихли, продолжал очень серьезно: — Улыбались мы, радуясь твоей удаче.

Ну, что, доволен ли ты?

— Да, но я ничего не понимаю. Ведь меня ни один отряд не принимал.

— Все это устроила твоя бабушка.

— Бабушка?! — воскликнул я. Я недоумевал, какое отношение может иметь женщина к войне.

— Да, она, а пожалуй, и я помог немного. Давно уже приставала она к твоему дяде, Быстрому Бегуну, упрашивая его повести отряд против наших врагов, а на тебя возложить обязанность носителя его трубки. Ну и докучала же она твоему дяде! Быстрый Бегун заявил, что не хочет идти на войну; он уже повоевал на своем веку и теперь может отдохнуть. «Да, да! — закричала она. — Отдыхай и толстей! Устраивай пиры в своем вигваме и пренебрегай племянником! Ах, зачем он покинул народ своего отца? Вожди каина рады были бы вести его по тропе войны!» Кажется, эти слова задели твоего дядю. Старуху он прогнал, сказав, что спорить с ней хуже, чем отбиваться от целого роя ос. Потом он пришел ко мне и долго со мной беседовал. Говорил, что стареет и трудно ему идти на войну. Однако он готов в последний раз повести отряд, если другие вожди отказываются тебя принять. Я сказал ему, что его долг — повести тебя по тропе войны и

обучить всему, что должен знать воин. Сейчас он набирает воинов. Завтра утром я для всех вас снова извлеку мою Трубку Грома, а вечером вы покинете лагерь, чтобы совершить набег на ассинибойнов.

Выйдя из вигвама старика, я долго не мог собраться с мыслями. Счастливый выдался для меня день! Утром я поймал двух бобров, а теперь узнал, что меня берут на войну. Это было лучше, чем ловить бобров! «Если меня не убьют, я скоро буду ловцом орлов», — думал я.

У входа в наш вигвам мать и бабушка чистили шкурки бобров. Я остановился и, обращаясь к бабушке, сказал:

— Я слышал, что ты говорила обо мне с Быстрым Бегуном.

— Должен же был хоть кто-нибудь взяться за дело, если мать твоя о тебе не заботится, — проворчала она.

— Быстрый Бегун исполнил твою просьбу. Завтра вечером я вступаю на тропу войны.

Старуха посмотрела на меня, выронила нож, которым чистила шкуру, и, закрыв лицо руками, заплакала. Мать знаком приказала мне уйти. Я вошел в вигвам и сел на ложе из шкур. «Трудно понять женщину, — думал я. — Бабушка моя

плачет, хотя и добилась того, чего хотела».

Глава восьмая

Когда в лагере узнали, что Быстрый Бегун задумал совершить набег на ассинибойнов, к вигваму его стали стекаться воины. Все хотели попасть в его отряд, потому что Быстрый Бегун пользовался славой непобедимого вождя. Он мог повести за собой всех воинов нашего лагеря, но нельзя было оставить лагерь без мужчин. Очень не хотелось обидеть кого-нибудь отказом, но после долгих совещаний с вождем нашего племени Одиноким Ходоком он объявил, что поведет только три отряда, или братства, входящие в союз братства Друзья: Ловцов, Смельчаков и Бешеных Собак. Сам он возглавлял отряд Ловцов. Кое-кто из этих отрядов уже отправился на войну под предводительством военного вождя племени, Одинокого Бизона. В наш отряд вступили сто восемьдесят человек, считая Быстрого Бегуна и меня.

Поздно вечером послал он за мной и стал перечислять вещи, которые я должен был нести: трубку его, боевой наряд, запасную пару мокасинов, несколько лассо, а также мешок с нитками из сухожилий, шильями, иголками и кусками

кожи для починки одежды и мокасинов. Затем он рассказал, какие возлагаются на меня обязанности: я должен был собирать хворост для его костра, готовить ему пищу, и днем и ночью быть наготове, чтобы исполнять все его поручения.

На следующее утро Красные Крылья приказал своим женам поставить «вигвам для потения». В этом вигваме должны были собраться мужчины нашего клана, которым предстояло вступить на тропу войны, и в присутствии воинов старик хотел извлечь из-под покрова свою священную трубку.

Когда все было готово, мы вошли в вигвам, оставив у входа одеяла и одежду. Перед вигвамом пылал костер, возле которого лежали раскаленные докрасна каменные глыбы. Красные Крылья уже ждал нас; трубку свою он положил на шкуру, разостланную у его ног. Покрышка вигвама сделана была из старых шкур, сквозь которые просачивался тусклый свет.

Быстрый Бегун сел по правую руку старика, я — по левую; остальные десять человек нашего клана уселись в кружок. Впервые вступил я в священный «вигвам для потения», и мне очень хотелось, чтобы поскорее началась церемония. Но все сидели неподвижно, все молчали. Я так

волновался, что едва мог усидеть на месте. Издали доносилось пение священных песен; каждый клан поставил «вигвам для потения», и в этих вигвамах собрались воины, отправляющиеся в поход вместе с Быстрым Бегуном.

«Почему же мы мешкаем в нашем вигваме?» — думал я. Наконец, заговорил старик Красные Крылья:

— Думал я о тропе, лежащей перед вами. О тропе, по которой много раз ступали мои ноги. Отойдя от Мохнатой Шапки, последнего холма в цепи Волчьих гор, увидите вы Каменного Бизона [*Каменный Бизон — Окуиток-Стумик. Большая скала, напоминающая лежащего бизона. Находится она к востоку от Мохнатой Шапки, восточного холма в цепи Малых Скалистых гор, у поворота Молочной реки. Племена черноногих чтили эту скалу и верили, что молитвы и жертвоприношения ей обеспечивают победу на войне и успех на охоте (Прим. авт.)*], лежащего на открытой равнине. Помните, вы должны остановиться перед ним, помолиться и принести жертву.

— Да, мы не забудем о жертвоприношении, — сказал Быстрый Бегун.

Тогда старик приказал женщинам вкатить в вигвам камни. Кто-то приподнял край шкуры,

и раскаленные докрасна камни, опаляя траву, вкатились в круг воинов; палками их столкнули в яму, вырытую в центре вигвама. Красные Крылья окунул в чашу с водой высушенный хвост бизона и обрызгал камни. Раздалось шипение, и густой горячий пар наполнил вигвам. Я чувствовал, что задыхаюсь. Красные Крылья затянул песню Древнего Бизона. Вскоре мне легче стало дышать, а я присоединился к хору. Снова побрызгал старик раскаленные камни; пот струился с меня ручьями. Мы спели одну за другой еще три песни, какие поются при церемонии извлечения трубки. Затем женщины просунули в вигвам углей, и Красные Крылья закурил трубку, выпуская дым по направлению к небу и земле, а также на север, юг, восток и запад. Громко молил он богов послать нам победу, сохранить нашу жизнь и защитить нас на тропе войны. Все мы по очереди сделали несколько затяжек, и церемония была окончена. Мы завернулись в одеяла и, захватив одежду, побежали купаться.

Вернувшись домой, я увидел, что обе шкуры пойманных мною бобров аккуратно натянуты на ивовые обручи. Вычищены они были так, что с внутренней стороны казались белоснежными. Полюбовавшись ими, я пошел к Красным Кры-

льям поговорить с ним о поставленных мною ловушках. Он меня успокоил; сказал, что если бобры попались в ловушки, то за один день они не испортятся, так как вода в запруде ледяная. Он обещал поехать туда на следующее утро и ловить для меня бобров, пока племя не переселится на другое место.

— Как ты добр и великодушен! — сказал я ему.

Он ответил, что я должен иметь свое собственное ружье; оно понадобится мне, когда я сделаюсь ловцом орлов и буду один уходить в горы. А теперь я шел на войну без ружья. Я знал, что Красные Крылья не может отдать мне свое и остаться безоружным. Пока я не вернусь, он должен будет доставлять мясо не только в свой, но и в мой вигвам, — дело не легкое для слабого старика.

Подходя к нашему вигваму, я услышал пение, и мне показалось, что поет мужчина. Я был так удивлен, что остановился как вкопанный и стал прислушиваться: мужчины никогда не заглядывали в наш вигвам. Наконец, я разобрал слова песни:

— О хо хай йи йя! Теперь поплатятся враги: заплатят за зло, какое мне причинили! Убившие моего сына сами будут убиты, убиты сыном моего сына! О хо хай йи ия йя! Маленькая Выдра! Он,

внук мой, идет отомстить за смерть отца! О хо хай йи йя! Охо хай йи ия йя!

Пела моя бабушка, но мне не верилось, что это ее голос. О, какою ненавистью дышала песня! И привиделись мне окровавленные тела, простертые на равнине, и мертвые, широко раскрытые глаза.

Оборвав песню, старуха крикнула моей матери:

— Не нравится тебе моя песня! Малодушны вы, женщины из племени пикуни. Вам хочется, чтобы ваши сыновья ни на шаг не отходили от вигвама. Я рада, что Маленькая Выдра происходит из другого племени. Ты не можешь его избаловать, он пошел в отца!

— Да я и не балую его, — отозвалась мать. — Я хочу, чтобы он шел на войну, но не брани меня за то, что мне грустно. Мой муж, мой добрый смелый муж покинул меня и не вернулся домой; могу ли я не думать...

— Молчи! Молчи! Ты накликаешь беду! — перебила ее старуха. — Я беру назад жестокие мои слова! Мне так же грустно, как и тебе! И на сердце у меня тяжело. Но скоро он придет. Мы должны скрыть нашу тревогу и встретить его улыбкой!

Потихоньку я отошел от вигвама и долго бродил

по лагерю. Они так и не узнали, что я слышал их разговор. А я был рад, что его подслушал. «Значит, бабушка любит и мать мою и меня, хотя сердится и ворчит на нас обоих», — думал я.

Длинным показался мне этот день. Несколько раз навьючивал я на себя вещи, которые мне предстояло нести, и старался разместить их как можно удобнее. Наконец, я решил повесить за спину лассо и сверток с трубкой Быстрого Бегуна, а также мой лук и колчан со стрелами. Коробки [*Боевые наряды индейцев хранились в коробках цилиндрической формы (Прим. перев.)*] с боевым нарядом вождя и мешки с необходимыми в дороге вещами я повесил по бокам. Я тащил на себе громоздкую поклажу, но вещи были не тяжелые.

На закате солнца воины собрались перед вигвамом Быстрого Бегуна, а вокруг толпились провожавшие нас женщины и дети. Быстрый Бегун, Белый Медведь, начальник Смельчаков, и Железная Рубаха, начальник Бешеных Собак, в последний раз курили в вигваме и беседовали с Красными Крыльями.

Мать и бабушка стояли за моей спиной; прощаясь со мной, они обещали заботиться о волчонке Нипоке. В сумерках наши начальники вышли из вигвама, и я занял место позади Быстрого Бегуна,

который возглавлял отряд Ловцов. За ними следовали Смельчаки, а Бешеные Собаки замыкали шествие. Все молчали, когда мы проходили мимо вигвамов; женщины были печальные, но не плакали, по крайней мере мы не слышали рыданий. Выйдя из лагеря, мы переправились через реку и двинулись на юго-восток, пересекая равнину.

Когда забрезжила заря следующего дня, мы подходили к порогам реки. Привал мы сделали на склоне холма, с которого открывался вид на речную долину. Здесь мы улеглись и стали ждать восхода солнца. Когда оно взошло, все мы обратились к нему с молитвой. На равнине и внизу у реки паслись стада бизонов и антилоп. Быстрый Бегун приказал пятерым воинам добыть для нас мяса. Мы видели, как они спустились в глубокий овраг, тянувшийся по направлению к реке, как крадучись приближались к маленькому стаду бизонов. Овраг круто сворачивал в сторону, и мы потеряли их из виду. Все мы изголодались по мясу и едва могли усидеть на месте.

— Если их постигнет неудача, долго мы не увидим мяса, — сказал один из воинов. — Стадо обратится в бегство и спугнет всю остальную дичь.

— Да, пожалуй, они не убьют ни одного бизо-

на, — отозвался другой.

— Молчите! Зачем вы накликаете беду? — прикрикнул на них Быстрый Бегун. — За такие слова вы двое будете лакомиться одними копытами!

Все мы расхохотались.

Вскоре увидели мы пять облачков дыма, поднявшихся над кустами в овраге. Прогремело пять выстрелов, и стадо обратилось в бегство. Два бизона лежали распростертые на земле, а третий кружился на одном месте. Когда он споткнулся и упал, все мы вскочили и побежали по склону. Четверо воинов начали сдирать шкуры с бизонов, а мы уселись на землю и терпеливо ждали, пока они свежевали туши. Я первый получил куски мяса, приходившиеся на долю отряда Ловцов, и попросил дать мне язык и ребра бизона для моего начальника. Просьба моя была тотчас же исполнена.

Лагерь мы раскинули в большой роще и для каждого отряда разложили семь-восемь маленьких костров. Быстрый Бегун расположился на отдых в тени ив, у самой реки, в стороне от большого шумного лагеря, чтобы смех и болтовня не мешали ему сосредоточиться. Так всегда поступали вожди отрядов.

Хорошо зная обязанности носителя трубки, я

не ждал приказаний. Быстро разложил я маленький костер и, набрав несколько охапок травы и листьев, устроил ложе для вождя. На углях я поджарил для него язык бизона, а для себя — кусок мяса. Когда мы поели, он послал меня за Белым Медведем и Железной Рубахой с которыми хотел выкурить три трубки. Я сидел в стороне, подбрасывал сучья в костер и прислушивался к беседе.

Быстрый Бегун сказал, что предоставляет им право ежедневно выбирать воинов, которые должны караулить в то время, когда мы спим. А в полдень нужно сменить караульных, стоявших на страже с утра. Зашла речь о том, какой дорогой идти нам к неприятельскому лагерю. Мы думали, что ассинибойны находятся неподалеку от устья Малой реки, впадающей в Большую реку. Железная Рубаха советовал идти долиной Большой реки, пока мы не попадем на след врагов, но дядя мой согласился с Белым Медведем, который предлагал спуститься по реке Медведь к Большой реке, пересечь равнину, дойти до гор Медвежья Лапа, затем пробраться по восточному склону Волчьих гор к большой луке Малой реки.

Докурив третью трубку, Белый Медведь и Железная Рубаха удалились, а дядя отослал меня спать в лагерь, приказав вернуться под вечер.

Я направился к кострам Ловцов. Воины курили, болтали, перебрасывались шутками. Кое-кто вздумал надо мной подсмеиваться. Меня спрашивали, нравится ли мне быть вьючной лошадью и много ли надеюсь я захватить трофеев. Но я слишком устал, чтобы им отвечать. Растянувшись в тени высокого тополя, я крепко заснул.

Проснулся я, когда косые лучи солнца обожгли мне лицо. Я сел и не сразу сообразил, где я. Повсюду меж деревьев лежали спящие люди. Крадучись, покинул я лагерь и пошел к тому месту, где отдыхал мой дядя. Видя, что он еще спит, я снова лег и заснул. На закате солнца Быстрый Бегун разбудил меня и послал купаться. В реке уже плескались воины. Холодная вода нас освежила. Выкупавшись, я расчесал и заплел волосы в косы, потом разложил костер и приготовил ужин.

В сумерках вернулись караульные, донесли, что все спокойно, и жадно набросились на еду. Я навьючил на себя поклажу и последовал за дядей в большой лагерь, где он долго беседовал с Белым Медведем и Железной Рубахой; я слышал, как он им говорил, что надеялся увидеть вещий сон, но спал без сновидений.

Мы продолжали путь и переправились ночью через несколько притоков реки Два Священных

Вигвама. В течение следующих трех ночей мы шли долиной реки Медведь и, наконец, раскинули лагерь неподалеку от того места, где эта река сливается с Большой рекой. Находились мы на расстоянии нескольких часов ходьбы до форта торговцев Длинных Ножей.

Утром Белый Медведь и Железная Рубаха, отдыхая у нашего костра, завели разговор о торговом форте, о товарах, которыми торгуют белые, и о начальнике форта Длинноволосом (Александр Калбертсон), женатом на женщине из племени пикуни. Быстрый Бегун заявил, что Длинноволосый — человек храбрый, великодушный и честный; такие люди не часто встречаются среди белых.

После этого разговора мне очень захотелось увидеть форт, блестящие тяжелые ружья и товары, а также белого начальника, который взял в жены женщину из нашего племени.

«Но захочет ли он говорить со мной? — думал я. — О, я постараюсь, чтобы он меня заметил. Скоро я научусь ловить орлов и буду обменивать орлиные хвосты на шкуры бизонов, разные меха и лошадей. Я надену свое лучшее платье и на красивой лошади подъеду к форту. За мной будут ехать мать и бабушка, погоняя табун лошадей,

нагруженных мехами. К тому времени я заслужу новое имя. Белый начальник выйдет мне навстречу и скажет:

— Добро пожаловать, Старое Солнце! Входи, входи, я угощу тебя!

Потом все мы пойдем в комнату, где сложены товары, и я скажу моим женщинам:

— Я беру только ружье, порох и пули, а оставшиеся меха и шкуры вы можете обменять на что угодно!

Как они будут удивлены и как обрадуются! Они накупят одеял, материи, бус. Мы покинем форт, нагруженные товарами, и все будут нам завидовать».

Вот о чем я мечтал, подбрасывая хворост в костер и поджаривая ребра антилопы для дяди и его друзей. Какой легкой казалась мне тропа, ведущая к славе! И вдруг размышления мои прервались: к костру подбежал человек, возвестивший, что в окрестностях лагеря ясно видны следы конских копыт. По-видимому, всадники проезжали здесь накануне. Услышав эти слова, Железная Рубаха и Белый Медведь вскочили и хотели было бежать к своим отрядам, но мой дядя их остановил.

— Стойте! — сказал он. — Или вы хотите взбу-

доражить весь лагерь? Сначала успокойтесь, а потом ступайте к воинам и скажите им, что враг находится неподалеку и мы постараемся застигнуть его врасплох. Воины молодые, недавно вступившие на тропу войны, будут рваться в бой. Вы должны их успокоить. Пошлите четверых или пятерых на разведку. Пусть они дойдут до Большой реки, а затем вернутся в лагерь. Теперь ступайте.

Железная Рубаха и Белый Медведь удалились пристыженные, а дядя пробормотал себе под нос:

— Странно! Я ничего во сне не видел. Мой тайный помощник меня не предостерег. Что же это значит?

Он потребовал свою трубку, а затем послал меня сказать начальникам отрядов, что усталые люди — плохие бойцы; пусть воины отдохнут и выспятся. В лагерь я пришел, когда разведчики уже спустились в долину, а караульные занимали свои посты. Передав Железной Рубахе слова моего дяди, я направился к костру Ловцов, улегся на землю рядом с другими воинами и скоро заснул.

Солнце высоко стояло на небе, когда прибежали наши караульные и принесли весть, что в долине показался большой отряд всадников, который на-

правляется к верховьям реки. Разведчики наши еще не вернулись. По словам караульных, всадники были еще далеко от нас и ехали медленно; воины успеют надеть боевое снаряжение.

Я подбежал к дяде, который крепко спал, и разбудил его. Спокойно выслушав меня, он приказал достать боевой наряд и, затянув военную песню, стал раскрашивать себе лицо.

Еще ни разу я не видел его боевого наряда. Я с любопытством рассматривал рубаху из шкурок Ласки, обшитую скальпами, штаны из мягкой белой оленьей кожи головной убор, украшенный рогами и орлиными хвостами, и мокасины, расшитые цветными иглами. Щит у него был большой, толстый, окаймленный орлиными перьями. Когда дядя оделся, я залюбовался им. Высокий, сильный, уверенный в себе, он выглядел настоящим вождем. По дороге в лагерь он мне сказал, что я должен находиться подле него, стрелять без промаха и, как бы ни был я испуган, не проявлять ни малейших признаков страха.

— Если меня убьют, — продолжал он, — возьми мое ружье и, что бы ни случилось, не отступай.

Я обещал исполнить его завет.

В лагере нас уже ждали воины, раскрашенные и одетые в боевой наряд. Белый Медведь послал

двух человек на склон долины следить за всадниками. Вскоре они вернулись и донесли, что неприятельский отряд приближается.

— Отлично! Чем скорее, тем лучше! — воскликнул Быстрый Бегун. — Следуйте за мной, дети мои! Нас ждет победа!

Он вывел нас на опушку рощи, раскинувшейся на высоком крутом берегу. Внизу справа струилась река, а слева за узкой полоской кустов начинался крутой склон равнины, прорезанный оврагами. Сжимая в руках оружие, мы растянулись на земле под прикрытием кустов и деревьев и ждали сигнала Быстрого Бегуна, чтобы открыть стрельбу. В дальнем конце рощи притаились Смельчаки, затем Бешеные Собаки и, наконец отряд моего дяди — Ловцы.

Глава девятая

Мы не спускали глаз с невысокой гряды холмов, заслонявшей от нас речную долину. Гряда эта была перерезана тропой, которую проложили бесчисленные стада бизонов, ходивших на водопой к реке. Вскоре услышали мы топот копыт, становившийся все громче и громче. Из-за гряды показались всадники, широкоплечие, приземистые люди. Ехали они по десять — двенадцать человек в ряд. Волосы их были разделены пробором, и косы спускались на оба уха. Дядя сказал мне, что это ассинибойны.

Смеясь и болтая, они приближались к нам; лошади их бежали рысцой. Я заметил, что многие воины вооружены не только луком, стрелами и щитами, но и ружьями. Было их много, очень много, столько же, сколько и нас. Нам предстояло вступить в бой с сильным отрядом ассинибойнов, злейших наших врагов. Мне стало страшно, так страшно, что я почувствовал тошноту. Снова дядя наклонился ко мне и шепнул:

— Не бойся их! Побори страх! Будь смелым!

Я сделал все, чтобы побороть страх. Я призвал

на помощь Древнего Ворона, я дал обет Солнцу подвергнуть свое тело пытке, если останусь целым и невредимым.

Я говорил себе, что передо мною убийцы моего отца; мне представляется случай отомстить за него, и отступать я не смею.

Когда враги спустились к подножию холмов, дядя издал наш боевой клич и повел Ловцов навстречу отряду. В то же время выбежали из рощи Смельчаки и Бешеные Собаки; первые напали на врагов с фланга, вторые перерезали им путь к отступлению. Все мы стреляли из луков и ружей; в воздухе гремел наш боевой клич.

Врагов мы застигли врасплох. У многих ружья были в чехлах, и они не могли сразу их вытащить. Несколько всадников упало и несколько лошадей было ранено, раньше чем неприятель открыл по нас стрельбу. Раненые лошади лягались, ржали, метались во все стороны. Наконец, раздался боевой клич ассинибойнов, и враги, с трудом сдерживая испуганных лошадей, начали стрелять. Некоторые лошади пытались вскарабкаться по крутому склону, но срывались и падали, другие пробовали прорваться сквозь наши ряды, потом бросались назад и кружились на одном месте.

Я выстрелил и промахнулся. Вторая моя стрела вонзилась в шею лошади, которая встала на дыбы в тот момент, когда я спустил тетиву. Всадник соскользнул на землю, заревел от бешенства и бросился ко мне, размахивая боевой палицей. Из колчана я вытащил три стрелы, теперь у меня оставалась только одна. Если я промахнусь, враг не пощадит меня. Был он рослым и сильным, глаза его горели ненавистью. О, как мне хотелось повернуться и убежать! Но о бегстве нечего было и думать. Я стиснул зубы, прицелился и изо всех сил натянул тетиву.

Я видел, как стрела вонзилась в грудь моего врага. Не мешкая, я выхватил из колчана еще несколько стрел. Заревев от гнева и боли, он левой рукой схватил оперенный конец стрелы и пытался ее вытащить. Он пробежал еще несколько шагов, потом пошатнулся и упал к моим ногам. Я смотрел на него и не верил своим глазам. Уж не во сне ли вижу я мертвого врага, лежащего у моих ног?

— Хорошо, сын мой! Вперед! Стреляй! Стреляй! — услышал я голос дяди.

Он стоял подле меня. Ружье он бросил на землю и посылал стрелу за стрелой в группу всадников, напиравших на нас. Я заметил, как один из

них, по-видимому вождь, начал делать какие-то знаки, подзывая к себе всадников. Многие пытались к нему подъехать, но лошади их, обезумев от страха, отказывались повиноваться. Один раненый лежал на земле и звал на помощь; еще секунда — и он погиб под копытами лошадей. Наконец, вождь спрыгнул с лошади, и его примеру последовали все остальные. Гурьбой бросились они к реке, но здесь им путь преградили Бешеные Собаки.

— Скорее! Мы должны их остановить! — крикнул дядя.

Мы побежали наперерез, но опоздали. Бешеные Собаки, не выдержав натиска, расступились, и ассинибойны пересекли рощу и с крутого берега бросились в реку. На берегу они оставили свои одеяла и палицы, а многие побросали даже луки и ружья. Река в этом месте была глубокая, но очень узкая и немало воинов все время плыли под водой. Но плохо пришлось тем, кто не умел нырять. Мы выстроились вдоль реки и стреляли в пловцов. В последний раз взмахнув руками, они погружались в мутную воду и шли ко дну. Мы так никогда и не узнали, сколько человек здесь погибло.

На противоположном берегу раскинулась

большая роща. Когда ассинибойны выбрались на сушу и скрылись за деревьями, мы прекратили стрельбу. Молча посмотрели мы вниз на реку, потом переглянулись.

Железная Рубаха крикнул моему дяде:

— Вождь, отыщем переправу и догоним врагов!

— А чем ты будешь их убивать? Голыми руками? — откликнулся Быстрый Бегун.

— Пусть все пересчитают, сколько пуль и стрел у нас осталось!

Глава десятая

Все начали осматривать свои колчаны и пересчитывать пули. У меня осталась только одна стрела. Со всех сторон доносились возгласы: — «Ни одной пули!», «А у меня одна!», «Ни одной стрелы не осталось!».

— Так я и думал! Здесь кончается для нас тропа войны! Бешеные Собаки и Смельчаки, отвечайте, все ли у вас целы и невредимы? — крикнул Быстрый Бегун.

Тотчас же послышался ответ:

— Все мы живы! Нет ни убитых, ни раненых.

А из отряда Ловцов один только человек был легко ранен. Немыслимым казалось, что за победу не пришлось заплатить, и, однако, это было так. Воины начали подбирать вещи, брошенные ассинибойнами. Я мечтал завладеть ружьем, но меня опередили и расхватали оружие. Одеяла мы швырнули в реку, а затем спустились в овраг ловить лошадей, оставленных неприятелем. Они рассыпались по склону и мирно щипали траву. Мы окружили их, и мне посчастливилось поймать ту самую лошадь, которую я подстрелил.

Кто-то раньше меня схватил волочившуюся за ней веревку, но я показал ему мою стрелу, запутавшуюся в гриве, и получил лошадь. На нас всех не хватило лошадей, и сорок шесть человек должны были ехать по двое.

Затем мы сосчитали убитых и завладели их оружием. Я взял боевую палицу убитого мной воина; скальпа с него я не снял, так как дядя был свидетелем моего подвига, и я не нуждался в этом трофее. Я был уверен, что видел ружье в руке врага, но сейчас ружья не оказалось, должно быть, кто-то взял его. Трое или четверо ассинибойнов были еще живы, и мы поспешили прекратить их мучения. Убитых мы насчитали пятьдесят два человека, да при переправе погибло не меньше двадцати.

Покинув поле битвы, мы поехали в рощу, где стояли лагерем. Громко распевали мы победную песню пикуни, зная, что нас слышат ассинибойны, мокрые, полураздетые, скрывающиеся на противоположном берегу. Дорого заплатили они за то, что вторглись в нашу страну, чтобы совершить на нас набег!

Зашла речь о пяти разведчиках, посланных к низовьям реки.

— Быть может, они убиты, — предположил

кое-кто из воинов.

Но другие утверждали, что они скоро вернутся. Так и случилось. Не успели воины снять боевой наряд, как прибежали разведчики. Спускаясь к низовьям реки, они увидели неприятельский отряд, направлявшийся к верховьям, и тотчас же побежали назад. Когда мы тронулись в обратный путь, я посадил одного из разведчиков на свою лошадь. Он так устал, что у него слипались глаза, и я должен был его поддерживать.

На закате солнца Быстрый Бегун послал вперед пятерых воинов и приказал им убить двух-трех бизонов. Мы же должны были ехать медленно, чтобы не спугнуть стада. Вскоре загремели выстрелы, и когда мы подъехали к охотникам, они уже сдирали шкуры с двух больших бизонов. Мясо разделили между отрядами, а мне дали куски, приходившиеся на долю дяди. Теперь Быстрый Бегун уже не искал уединения, мы присоединились к его отряду Ловцов и ужинали вместе с другими воинами.

Быстро пролетел этот вечер. Один за другим воины выступали вперед и перечисляли подвиги, совершенные ими во время боя. Гремела победная песня, воины плясали вокруг костров. Наконец, очередь дошла до меня, и я рассказал о

том, как убил ассинибойна. Когда я умолк, дядя обратился к воинам с такими словами:

— Дети мои, все было так, как он говорит. Я сам это видел и горжусь своим племянником.

— Молодец, Маленькая Выдра! Храбрый юноша! Он будет великим воином и защитником пикуни! — закричали Ловцы.

А я так был счастлив, что мне захотелось петь и плясать. Я уже готов был вскочить, но дядя снова заговорил:

— Ловцы! Маленькая Выдра доказал, что он храбрый юноша. Все вы знаете, что он постился, увидел вещий сон и убил большого медведя. А сегодня он совершил подвиг — убил одного из наших врагов. Он готовится к тому, чтобы вступить на тропу ловца орлов.

Дядя умолк.

Я ждал одобрительных возгласов и похвал, но все молчали. Одни посматривали на меня с любопытством, словно в первый раз увидели, другие покачивали головой. Наконец, один из Ловцов сказал:

— Вождь, опасное дело — ловить орлов. Мало кто за него берется. Напрасно поощряешь ты своего родственника. Жизнь его нам нужна, и жалко будет, если она так скоро оборвется. Ты знаешь,

что я не трус, и однако я никогда не осмелился бы спуститься в ловушку.

У меня сжалось сердце, когда я услышал эти слова. Затаив дыхание, я ждал, что скажет Быстрый Бегун. И все воины смотрели на него и с нетерпением ждали ответа. Долго он молчал, и, казалось, о чем-то думал. О, как я боялся, что он согласится с Ловцами! Что, если и он считает меня слишком молодым для такой работы?

— Друзья, — произнес он, наконец, — не мне, простому воину и охотнику, указывать путь моему родственнику. Наставник у него — Красные Крылья, жрец Солнца и хранитель Трубки Грома. И по словам Красных Крыльев, этот юноша совершит то, что всем нам кажется невозможным. Не было еще в нашем племени молодого ловца орлов, но я верю, что скоро Маленькая Выдра будет приносить орлов в наш лагерь.

— Будем надеяться, что сбудутся твои слова, — сказал возражавший ему воин.

Остальные молчали и украдкой на меня посматривали. Я читал их мысли: думали они о том, что скоро я уйду в страну Песчаных Холмов. Слова Быстрого Бегуна рассеяли мои опасения. Мне хотелось крикнуть воинам, что недалек тот день когда они будут покупать у меня орлиные

хвосты, но я промолчал. Давно уже понял я, что не слова, а дела имеют цену.

На следующее утро я встал на рассвете, разложил три костра в лагере Ловцов и побежал к реке купаться. У костра я высушил волосы, расчесал их и заплел в косы. Воины проснулись поздно, выкупались и принялись за стряпню. Я поел, поджарил мясо для дяди и ушел в лес, захватив с собой две продолговатые коробки, раскрашенные и обшитые мехом, которые я снял с седла убитого мною врага. В них он хранил боевое свое снаряжение. Долго любовался я его боевым нарядом и головным убором, и мне очень хотелось оставить себе эти вещи. Но я поборол искушение, повесил их на ветку тополя и принес в жертву Солнцу. Потом я побежал назад, к лагерю, и ни разу не оглянулся.

Когда караульные вернулись и поели, мы оседлали лошадей, отнятых у ассинибойнов, и тронулись в путь. Еще две ночи провели мы в долине реки Медведь, а к вечеру третьего дня подъехали к лагерю пикуни. Здесь мы сделали остановку, и воины надели боевое снаряжение и раскрасили лица, чтобы торжественно въехать в лагерь. Так как у меня не было боевого наряда, то я мог только раскрасить себе лицо. Потом я

густо намазал красной краской ладонь и оставил отпечаток руки на правом плече моей лошади в знак того, что она отнята мною у врага. Лошадь была черная и на ее глянцевитом плече резко выделялась красная рука.

Вскочив на коней, воины запели победную песню и, размахивая скальпами, поскакали к лагерю. Мужчины, женщины, дети выбежали из вигвамов, выкрикивая имена родных и друзей, восхваляя воинов, одержавших победу над ненавистным врагом. Громче всех кричала моя бабушка, пробивавшаяся сквозь толпу женщин. Голос ее покрывал другие голоса. Я слышал, как она называла меня великим воином и мстителем. Растолкав мужчин, женщин и детей, преграждавших ей дорогу, она пробралась ко мне, выхватила у меня из рук боевую палицу ассинибойна и, размахивая ею, пустилась в пляс, не переставая выкрикивать:

— Маленькая Выдра! Маленькая Выдра! Он убил врага и завладел его лошадью. Великим вождем будет Маленькая Выдра, сын моего сына!

Подошла мать, взяла меня за руку и улыбнулась, а слезы струились по ее щекам. Когда толпа поредела, мать схватила мою лошадь за повод и повела к нашему вигваму, а бабушка шла подле,

воспевая мне хвалу. От крика она охрипла и могла только каркать, как ворона.

Перед нашим вигвамом я сошел с лошади и стреножил ее, а мать сняла с нее седло. Войдя в вигвам, я кликнул волчонка. Когда в лагере поднялась суматоха, он испугался и спрятался под звериную шкуру, но услышав мой голос, тотчас же вылез, Я уселся, он вскочил ко мне на колени и, тихонько повизгивая, лизнул меня в лицо. Обрадовался он мне гораздо больше, чем Синуски, которая лениво повиляла хвостом.

О, как приятно было вернуться домой, сесть на мягкое ложе из звериных шкур, смотреть, как мать хлопочет у костра! Она угостила меня пеммиканом и жареной олениной. Два дня назад, сказала она, Красные Крылья убил большого оленя. Я увидел шкурки бобров, сложенные на земле, и узнал, что они принадлежат мне. Каждый день старик ходил к ловушкам и приносил матери всех пойманных бобров. Было их тринадцать. Как много сделал для меня этот старик! Мать рассказала мне, что каждый вечер на закате солнца надевал он свой боевой наряд, садился на лошадь и разъезжал меж вигвамов, выкрикивая имена отсутствующих воинов и молясь за них Солнцу. Он не пропустил ни одного дня, хотя очень уста-

вал после охоты и ловли бобров.

Поев и отдохнув, я стал рассказывать о неожиданной нашей встрече с ассинибойнами, о битве, о том, как враги наши тонули в реке. Не забыл я упомянуть и о рослом ассинибойне, которого мне посчастливилось убить, когда он замахнулся на меня палицей. Я умолк, а бабушка прохрипела:

— Ты выдержал испытание. А теперь нужно складывать вещи. Завтра мы все уложим и на следующее утро тронемся в путь.

— Куда же мы пойдем? — удивился я.

— Мы пойдем по тропе, ведущей к нашему народу, — ответила она. Я покачал головой.

— Но ты же обещал мне вернуться к каина!

— Я не говорил о том, когда мы к ним вернемся. И мне не хочется их видеть. Что они для меня сделали? Ничего! А что сделали для меня пикуни? Все! Да, им я обязан всем!

Бабушка завернулась в одеяло, заплакала и вышла из вигвама.

Мать тяжело вздохнула.

— О, как мне надоело слушать об этих каина! — воскликнула она.

И на этот раз я сказал ей, что мы должны прощать старухе ее слабости. Закутавшись в одеяла, мы направились к вигваму Красных Крыльев.

— Ха! Вот он, мой молодой воин! — приветствовал меня старик, усаживая на ложе из шкур.

По правую его руку сидел Быстрый Бегун и еще пятеро Ловцов. Вслед за ними вошел в вигвам вождь всего нашего племени, Одинокий Ходок, и старейшины четырех или пяти кланов. Когда все уселись и стали передавать друг другу трубку, Одинокий Ходок попросил моего дядю рассказать о стычке с ассинибойнами. Дядя начал рассказ и не забыл упомянуть о том, как я сразил одной стрелой рослого ассинибойна. И все эти великие воины захлопали в ладоши и посмотрели на меня одобрительно, а Одинокий Ходок сказал:

— Воины из клана Короткие Шкуры, радуйтесь, что этот юноша входит в ваш клан! Я слышал, что он хочет стать ловцом орлов.

— В жилах его течет кровь Коротких Шкур. Мы ждем от него великих подвигов, — отозвался Быстрый Бегун.

— Если советы мои пойдут впрок, он сделается великим ловцом орлов, — заметил Красные Крылья.

Рассказав о битве с ассинибойнами, Быстрый Бегун заговорил о том, что лежало у него на сердце. В походе он молился Солнцу, приносил жертвы, призывал тайного помощника, но не уви-

дел вещего сна, предупреждающего о близости неприятеля. Неужели теперь с приближением старости лишился он дара видеть вещие сны?

— В ночь перед битвой ты ничего во сне не видел? — спросил Красные Крылья.

— Я видел сон, но он ничего не предвещал. Видел я лагерь пикуни в месяц Спелых Ягод. День был жаркий; мужчины отдыхали в тени вигвамов, женщины сушили ягоды на солнце. Больше я ничего не видел.

— Да разве этого мало? — воскликнул старик. — Это сновидение послано Солнцем. Вот как нужно его истолковать: ты и твои воины одержите победу и увидите месяц Спелых Ягод. Солнце от тебя скрыло близость врага, оно хотело послать тебе неожиданную радость: всем вам суждено было выжить, а врагам вашим пасть в бою.

— Верно, верно! Рассей свои сомнения, друг мой, Солнце тебя не покинуло! — воскликнул Одинокий Ходок.

И все воины с ним согласились. Но меня слова старика не убедили. Я подумал, что каждое сновидение можно истолковать по своему желанию. Конечно, я промолчал, а Быстрый Бегун словно переродился. О битве он рассказывал вяло, без всякого увлечения, думая, по-видимому, о чем-то

другом. Но теперь лицо его осветилось улыбкой, он выпрямился, захлопал в ладоши и крикнул:

— Конечно! Как же это я не понял сна? Друзья, вы рассеяли мои сомнения! Теперь я вижу, что ошибался. Одинокий Ходок прав: Солнце меня не покинуло.

Заговорили о другом. Докуривая третью трубку, старейшины порешили сняться с лагеря, так как женщины уже запаслись шестами для вигвамов, и провести лето в окрестностях форта Длинных Ножей, к югу от Большой реки.

Когда воины ушли, я сказал Красным Крыльям:

— Теперь я прошел через все испытания, какие ты мне назначил: я постился, я участвовал в бою и убил врага. Долго ли мне еще ждать или я могу стать ловцом орлов?

— Да, я думаю, что теперь ты закален и можешь сделать первую попытку, — ответил старик. — Посетив форт Длинных Ножей, мы пойдем к реке Стрела и в долине этой реки раскинем лагерь. Там ты выроешь ловушку на вершине горы, которая находится к югу от реки. Я знаю, что над ней часто парят орлы.

На следующее утро я поехал вместе с Красными Крыльями к запрудам взять наши капканы и в

обоих мы нашли по окоченевшему бобру. Так как женщины в тот день складывали наши пожитки, то мы со стариком сняли со зверьков шкуры. Растягивая шкуры на обруче, я сказал Красным Крыльям:

— Как жаль, что у меня мало шкур и я не могу купить ружье! Там, на горе, в ловушке для орлов, я бы чувствовал себя в полной безопасности, если бы подле меня лежало ружье.

— Не думай об этом и не беспокойся: быть может, ты еще получишь ружье, — ответил он.

Я спросил, как может это быть, когда мне нечем заплатить за ружье, он только усмехнулся и сказал:

— Подожди и увидишь.

Никогда еще не была моя бабушка такой сердитой и сварливой, как в этот день. Помогая матери укладывать наши вещи, она все время ворчала.

Красные Крылья, бродивший около нашего вигвама, искоса на нее посматривал и, наконец, отозвал ее в сторону. Не знаю, о чем они говорили, но после этого разговора она притихла и охотно стала нам помогать.

На следующее утро мы снялись с лагеря и поехали по горной тропе на юг, к Молочной реке, а оттуда к форту Длинных Ножей, куда прибыли на

пятый день. Вожди и старейшины в тот же день отправились в форт, и белый начальник (как я уже говорил, звали его Длинноволосый) устроил для них пиршество. Вернулись они вечером и объявили, что кладовые и склады доверху наполнены товарами.

Быстрый Бегун принес своей жене подарок от жены Длинноволосого, которая приходилась ей двоюродной сестрой. Это была маленькая шкатулка длиной в три ладони, вышиной в две, с круглой крышкой, замком и ключом, раскрашенная желтой и красной красками. В шкатулке лежали иголки, шилья, катушки ниток и связки разноцветных бус.

Жена Быстрого Бегуна пришла в восторг и стала расхваливать белых за то, что они умеют делать не только ружья для мужчин, но и вещи, полезные для женщины. Что может быть лучше такой шкатулки, в которой женщина может хранить под замком все свои сокровища?

Услышав ее радостные возгласы, прибежали соседки и стали любоваться шкатулкой. Слух о ней разнесся по всему лагерю, и перед вигвамом Быстрого Бегуна собралась толпа женщин, которые хотели поглазеть на диковинку. Узнав, что на складе в форте хранится около сотни таких

шкатулок и стоят они четыре бобровые шкурки каждая, женщины разбежались по своим вигвамам и потребовали у мужей шкурки. Некоторые мужья согласились сразу; те, у кого шкур было мало, отказали, потому что хотели купить более необходимые вещи. Но нашлись и такие, которые имели много шкур, но ни одной отдать не хотели, так как были бессердечными скрягами и думали только о себе.

Ночь прошла тревожно. Многие женщины легли спать в слезах, многие мужчины, к великому своему удивлению, узнали, что жены считают их скрягами и негодяями. Никогда еще не слыхал я, чтобы женщины так кричали, как в эту ночь. Конца не было спорам. Сотни женщин хотели купить шкатулку, а шкатулок в форте было только сто. Многие уговорили своих мужей отправиться в форт задолго до рассвета и, когда распахнутся большие ворота, первыми войти в комнату, где сложены товары.

Ночью пара за парой, пешком или верхом, они потихоньку покидали лагерь. Когда рассвело, оказалось, что покупателей собралось у ворот вдвое больше, чем было на складе шкатулок. Как они толкались, стараясь первыми войти в комнату с товарами! Женщины, которых оттеснили,

уселись на землю и с горя заплакали. Нам рассказали об этом, когда мы только что проснулись, и моя мать смеялась до слез. «Лето, когда женщины покупали шкатулки», надолго осталось у нас в памяти.

Когда взошло солнце, я привел лошадей и вместе с Красными Крыльями отправился в форт; наши женщины ехали позади и везли шкуры и меха. Тяжело было у меня на сердце. Когда-то я мечтал въехать на быстром коне в форт и привезти тюки мехов и шкур, а теперь у меня не хватало шкур даже на покупку ружья. Спускаясь по склону холма, я оглянулся и сказал матери:

— Возьми восемь бобровых шкурок, а восемь дай бабушке. Можете купить все, что вам нужно.

Она улыбнулась и ничего не ответила.

Мы подъехали к форту. Много я слышал рассказов о нем, но увидев его собственными глазами, рот раскрыл от удивления. Стены были высокие, толстые, сложенные из четырехугольных кусков сухой глины. По углам возвышались двухэтажные строения с отверстиями, из которых высовывались огромные блестящие желтые ружья. Если бы ассинибойны, кроу, сиу и снейк все вместе попытались бы влезть на стены и проникнуть в форт, белые, стреляя из этих ружей,

стерли бы их с лица земли, как стирает огонь сухую траву прерий.

Сойдя с лошадей, Красные Крылья и я вошли в большие ворота; за нами шли женщины, нагруженные мехами. Старик показал мне дом, где жил начальник форта, комнату, где на полках лежали товары, место, где белые раскаляли докрасна железо и делали из него ножи и наконечники для стрел. Увидел я также склады и жилища служащих. На каждом шагу встречались нам белые, а я и не подозревал, что их так много. Тогда мне и в голову не приходило, что настанет день, когда белые завладеют нашей землей, ограбят нас и обрекут на голодную смерть.

Покупатели толпились у дверей дома, где сложены были товары. Они входили туда по очереди, и Красные Крылья заметил, что, пожалуй, нам придется ждать целый день. Вдруг из дома начальника вышел Быстрый Бегун и сказал, что нас зовет Женщина-Птица, жена Длинноволосого.

— Не пойду я к ней, — проворчала моя бабушка. — Что мне там делать? Не люблю я этих Длинных Ножей. Вот если бы это были Красные Куртки, ха, я бы с удовольствием вошла в их дом.

— Молчи, женщина! — прикрикнул на нее Красные Крылья. — Я еще не встречал на сво-

ем веку такой злой старухи! Оставайся здесь и стереги меха. Если бы ты вошла в дом белого начальника, нас всех выпроводили бы оттуда!

Бабушка осталась, а мы вошли в комнату с белыми стенами и большим очагом. На полу стояли вещи, которых я никогда еще не видел: стол, стулья, высокое ложе на деревянных ножках. Нам навстречу вышла Женщина-Птица; у нее было красивое лицо и длинные волосы. Я залюбовался ее платьем из желтой материи с большими круглыми синими пятнами. Она пожала руку Красным Крыльям и моей матери, сказала, что рада их видеть, потом взяла и меня за руку и воскликнула:

— А, так это Маленькая Выдра, будущий ловец орлов?

Я был рад, что она позвала нас в свой дом, и сказал ей об этом, но больше не мог выговорить ни слова. Я был очень смущен и испуган: в первый раз в жизни мне пожали руку. Здороваясь, белые всегда трясут друг друга за руку, и мне этот обычай показался очень странным.

Женщина-Птица угостила нас мясом, кофе, сухарями и патокой. Сухари и патоку я отведал впервые; и то и другое мне очень понравилось. Когда мы поели, в комнату вошел Длинноволо-

сый. Был он высокого роста, широкоплечий, с длинными волосами; шел твердыми шагами и голову держал высоко. Подойдя к нам, он пожал руку сначала Красным Крыльям, потом моей матери и, наконец, мне. С Быстрым Бегуном он уже виделся раньше. На нашем языке он говорил хорошо; должно быть, его научила Женщина-Птица. Повернувшись к Быстрому Бегуну, он сказал:

— Так это и есть твой племянник, Маленькая Выдра, о котором ты мне говорил? Потом он обратился ко мне.

— Я рад, что мы с тобой встретились. Твой дядя говорит, что ты хочешь быть ловцом орлов. Ты еще молод для такого опасного ремесла, но в жилах твоих течет славная кровь пикуни, а я заметил, что пикуни всегда добиваются того, чего хотят. Что же ты не купишь себе ружья? Я слыхал, что ты мечтаешь о нем.

— Да, мне бы очень хотелось иметь ружье, но шкур у меня мало, и мне нечем за него заплатить, — ответил я.

Женщина-Птица подошла к Длинноволосому и стала ему что-то шептать. Сначала он нахмурился и покачал головой, потом улыбнулся ей и снова повернулся ко мне:

— Если я дам тебе сейчас ружье, скажи, заплатишь ли ты мне сорок шкур за него и пять за порох, когда у тебя будут эти шкуры?

Я так обрадовался, что долго не мог выговорить ни слова. Наконец я овладел собой, поднял руку к небу и воскликнул:

— Клянусь Солнцем, я отдам тебе сорок пять шкурок, если буду жив!

— Молодец! Я тебе верю. Ружье твое! Ступай и возьми его.

Все мы последовали за ним в соседнюю комнату, где хранились его бумаги и вещи, и здесь он протянул мне ружье, достал жестянку с порохом: пули и четыре коробочки с пистонами, потом снял со стены рог для пороха и мешок для пуль.

— Бери, это все твое, — сказал он мне. — Таких ружей нет у нас в магазине, жена меня просила, чтобы я дал тебе одно из моих.

Как я был счастлив! Я схватил ружье и прижал его к груди.

— Отдай за ружье те шестнадцать шкур, которые ты подарил мне и бабушке, — посоветовала моя мать. — Остальные ты принесешь после.

— Нет, они вам нужны, я не могу взять их у вас, — ответил я.

— Верно, юноша пикуни! Никогда не отбирай

того, что ты подарил, — сказал мне Длинноволосый.

Так получил я первое ружье. После полудня, когда мать и бабушка обменивали шкурки бобров и другие меха, я стоял подле и смотрел на них. Каждая купила себе одеяла, нож, красной краски и много бус. Своим покупкам они радовались не меньше, чем я ружью. Даже бабушка улыбалась во весь рот и распевала песни, когда мы верхом возвращались в лагерь.

На Молочной реке мы прожили семь дней. Мне эти дни показались бесконечно длинными, так как я хотел поскорее перебраться к реке Стрела. Вечера я проводил в вигваме Красных Крыльев, и старик рассказывал мне о ловле орлов. Днем я ходил на охоту и брал с собой Синуски и Нипоку. Мне хотелось приучить волчонка к выстрелам; Синуски, его вторая мать, не боялась выстрелов и тотчас же бежала по следам раненого животного.

В первый день я подстрелил белохвостого оленя, и он тотчас же упал. Волчонок нисколько не испугался выстрела, однако не последовал за собакой, когда та подбежала к убитому оленю и вонзила зубы ему в горло. Нипока смотрел то на нее, то на меня и, казалось, не знал, что ему

делать. Возвращаясь в лагерь, я подстрелил водяную курочку, и Нипока, увидев, как она трепещет и бьется на земле, бросился к ней со всех ног, а Синуски уселась и стала на него смотреть. Долго он трепал и кусал птицу, вымазал всю морду кровью и, наконец, съел мясо вместе с перьями. В этом отношении он отличался от Синуски, которая не прикасалась к птицам; как и мы, она любила только «настоящее мясо».

Я решил, что в конце концов Нипока научится выслеживать дичь и будет мне хорошим помощником. На следующий день я тяжело ранил белохвостого оленя, который пошатываясь скрылся в зарослях. Не видя его, волчонок, не пожелал следовать за Синуски, бросившейся в погоню. Сдирая с оленя шкуру, я привязал Нипоку к дереву. Мне не хотелось, чтобы он до окончания охоты отведывал мяса или крови.

Вскоре мне удалось поднять еще одного белохвостого оленя, и волчонок видел, как он обратился в бегство. Я выстрелил. Олень упал и покатился по склону. Собака, а за ней и волчонок подлетели к нему, и Синуски схватила его за горло, но тотчас же уступила место Нипоке, который сердито ворчал и подергивал пушистым хвостом. Я сделал надрез на шее оленя и позволил волчон-

ку отведать крови. Теперь я знал, что он будет мне помощником. Вернувшись в лагерь, я долго учил его лежать неподвижно подле меня, пока не позволю ему встать. Оказалось, что научить его этому нелегко, и мне придется с ним повозиться.

Когда наши охотники продали все меха и шкуры, мы снялись с лагеря, переправились через Большую реку и двинулись на юг. К вечеру третьего дня мы раскинули лагерь в долине реки Стрела. Долина была очень узкая; по краям ее вставали высокие скалы. Я слышал о том, что здесь водится много дичи, — как оказалось, рассказчики не преувеличивали. На равнине паслись стада бизонов и антилоп; в глубоких, поросших лесом оврагах на каждом шагу попадались олени, лоси, а на берегах ручьев жили бобры; здесь они не строили плотин, зная, что во время разлива реки ни одна плотина не уцелеет. В долине реки Стрела предстояло нам прожить долгое время. Вот почему на следующее же утро я отправился на охоту, чтобы привезти мяса для моей семьи и для Красных Крыльев. Сопровождали меня мать и бабушка. Мы поднимались по тропе, ведущей из глубокого оврага на равнину к югу от реки. Поднявшись по склону, мы увидели большое стадо бизонов, двигавшееся нам навстречу и,

по-видимому, спускавшееся на водопой к реке.

Мы спрятались за краем оврага, и женщины спешились. Я отдал ружье матери и достал лук и стрелы. Ехал я на быстрой лошади Красных Крыльев и надеялся на удачную охоту.

Ветер дул мне навстречу. Не успел я выехать на равнину, как лошадь моя почуяла запах бизонов, и большого труда стоило мне ее сдерживать. Вскоре увидел я горбы вожаков стада, затем их головы. Я отпустил поводья, и в несколько прыжков моя лошадь примчалась к стаду. Оно круто повернуло и понеслось назад. Наметив крупную самку, я подскакал к ней, натянул тетиву, и стрела вонзилась ей в бок. Кровь хлынула у нее из ноздрей. Не останавливаясь, я близко подъехал ко второй самке и выстрелил, целясь ей в позвоночник. Тяжело рухнула она на землю, а я, высматривая животное покрупнее, заметил впереди стада какое-то белое пятно.

Как забилось мое сердце! Неужели посчастливилось мне увидеть белого бизона? В эту минуту стадо, огибая скалу, разбилось на два потока, и я отчетливо разглядел бизона белого с головы до ног.

Лошадь моя мчалась галопом, но я безжалостно ее погонял. Животные передо мной расступи-

лись. Я догонял белого бизона. Он увидел меня и побежал быстрее. Моя лошадь от него не отставала, я выстрелил, но ранил его легко. Он высоко подпрыгнул, но не замедлил бега. Никогда еще не видел я такого быстроногого бизона! Он опередил стадо, я мчался за ним. Казалось мне, он слабеет от потери крови.

Взмыленная лошадь напрягала последние силы, но расстояние между мной и бизоном постепенно уменьшалось. Наконец я подъехал к нему вплотную, и на этот раз не дал промаха. Стрела пронзила ему сердце, и он рухнул на землю. Я спрыгнул с лошади и подбежал к нему. Не верилось мне, что на мою долю выпала такая удача. Неужели я действительно убил белого бизона — священное животное, избранное Солнцем?

Мать и бабушка, следившие за погоней, подъехали ко мне. Бабушка громко выкрикивала мое имя.

— Этого белого бизона ты должен принести в жертву Солнцу! — сказала она мне.

Но сдирать шкуру со священного животного мы могли лишь с разрешения жреца Солнца. Мать моя поскакала назад, в лагерь, за стариком Красные Крылья.

Мы подошли к двум убитым мною самкам, и

руки наши дрожали, когда мы сдирали с них шкуру и разрезали мясо. Потом мы вернулись к белому бизону, и бабушка сказала, что за всю свою долгую жизнь она видела только четырех священных животных. Однако я на нее рассердился: она хотела, чтобы мы отправились на север, к племени каина, когда настанет месяц Спелых Ягод и каина будут строить вигвам в честь Солнца.

Было около полудня, когда на равнину выехали всадники. Красные Крылья и другие жрецы Солнца, а также Одинокий Ходок и старейшины кланов ехали впереди, за ними следовали мужчины, женщины, дети. Возле туши белого бизона они остановились и, любуясь убитым животным, стали воспевать хвалы мне, убившему бизона, посвященного Солнцу.

Жена Красных Крыльев, «сидящая рядом с ним», привезла его Трубку Грома и вязанку хвороста. В нескольких шагах от туши бизона разложила она костер. Вокруг него столпились жрецы Солнца и старейшины, а подле меня стоял старик Красные Крылья. Он сжег на костре охапку душистой травы и окурил себя дымом, потом спеты были четыре священные песни и извлечена трубка. Высоко подняв ее, старик обратился с

молитвой к Солнцу, не забыв упомянуть обо мне, убившем священного бизона.

В жертву приносили мы мясо белого бизона, а также и шкуру, но ее нужно было сначала выдубить и раскрасить.

Затем все встали, приблизились к бизону и по очереди стали сдирать с него шкуру. Отдали мы ее жене Красных Крыльев; она должна была вернуть эту шкуру выдубленной и раскрашенной. Склонившись над тушей, старик воскликнул, обращаясь к Солнцу:

— Тебе оставляем мы священное мясо! Сжалься над всеми нами!

Так закончилась церемония. Люди вскочили на своих коней и поскакали по направлению к лагерю. Красные Крылья аккуратно завернул трубку, передал ее жене и обратился ко мне:

— Идем! Сегодня великий день — ты убил священного бизона, и я покажу тебе, где нужно рыть ловушку для орлов.

Взяв ружье из рук матери, я приказал ей и бабушке отвезти домой мясо двух убитых мною самок; затем я последовал за Красными Крыльями. Ехали мы на юг, к высокой горе, на которой, по словам старика, часто отдыхали орлы. Действительно, когда мы взбирались по крутому склону,

над горой парили четыре огромные птицы.

Лошади наши тяжело дышали. Наконец, мы въехали на вершину горы, и я увидел очень узкую площадку длиной шагов в пятьдесят. В восточном конце ее находилась ловушка, до половины засыпанная землей и гниющими листьями. Это была ловушка Красных Крыльев; много лет назад поймал он здесь семь орлов.

Старик сказал мне, что лопата его лежит где-нибудь на восточном склоне, куда он ее швырнул. Я спустился вниз и нашел ее; она была сделана из лопатки бизона и от времени стала желто-зеленой. Спрыгнув в яму, я стал сгребать землю, хворост и листья на мое кожаное одеяло; связав концы одеяла, я передал его старику и тот отнес его подальше от ловушки и высыпал землю на склон горы. Мусора в яме было много, но мы работали не покладая рук, пока ее не очистили. Теперь эта ловушка с прямыми стенами и гладким полом была такая глубокая, что только голова моя высовывалась из ямы. Старик был очень доволен. Снова он повторил, что орлы часто спускаются на вершину этой горы, и здесь начинается для меня тропа ловцов. На обратном пути он пел священные песни, и в лагерь мы вернулись в сумерках.

Утром женщины привезли к ловушке вязанки

ивовых палок, а на следующий день я пошел на охоту. Мне нужна была приманка для орлов, и я хотел убить волка и сделать из него чучело.

В этих краях водилось много волков, но мне не удавалось подойти к ним на расстояние ружейного выстрела. Рано утром покинул я лагерь и спустился к тропе, проложенной бизонами. Тропа эта извивалась в овраге и вела к реке. С восточной стороны оврага вздымалась высокая скалистая стена. Я взобрался на ту стену и притаился в кустах. Знал я, что волки всегда бегут за стадами бизонов, а на пыльной тропе я нашел отпечатки волчьих лап.

— Бизоны, бизоны, идите на водопой к реке! Волки, голодные волки, следуйте за бизонами! — шептал я.

Ждать мне пришлось недолго. В дальнем конце оврага показалось облако пыли. Овраг был узкий и извивался, как змея: вот почему я не видел стада. Однако я сразу понял, что бизоны идут на водопой. Не спуская глаз с облачка, я следил за продвижением стада. Наконец, показались вожаки; завидев воду, они побежали рысью. Ветер дул мне в лицо, и пыль слепила глаза. Темной лавиной катилось стадо по крутому склону. Спустившись на берег, бизоны пробивались в

передние ряды, чтобы поскорее утолить жажду.

Я не спускал глаз с тропы. Наконец, показались отставшие животные — старые бизоны-самцы, облезлые, с тупыми рогами: шли они медленно, один из них прихрамывал. За ним, на расстоянии сотни шагов, гуськом следовали семь волков; бежали они с высунутыми языками и были с ног до головы покрыты пылью.

Когда они пробегали у подножия скалистой стены, я тихонько завыл по-волчьи. Они остановились и насторожили уши, не понимая, откуда доносится вой. Тогда я прицелился в вожака и спустил курок. Бум! Волк упал и забился в пыли. Остальные повернули назад и через секунду скрылись из виду. Вслед за ними умчались и бизоны. Когда я спустился в овраг, волк был уже мертв. Осторожно снял я с него шкуру и поспешил домой, чтобы отдать шкуру Красным Крыльям, который обещал набить ее травой.

На следующий день старик снова отправился со мной к ловушке. Долго работали мы, покрывая яму крышей из веток и травы; в одном конце ее мы оставили дыру, в которую я должен был пролезть и затем заложить ее палками. В сущности работал один старик, а я только помогал ему, подавая ивовые палки и принося охапки травы.

С любопытством следил я, как заботливо строит он крышу, по нескольку раз перекладывая палки с одного места на другое. Когда он положил последнюю охапку травы, трудно было разглядеть, где кончается настил, а где начинается лужайка.

Старик приказал мне спуститься в яму и осмотреть крышу снизу. Каково было мое удивление, когда я убедился, что настил над моей головой редкий, как сетка, и в широкие просветы видно небо! Раздосадованный, вылез я из ямы.

— Я думал, что крыша плотная, а она оказывается сквозная, как паутина! — воскликнул я. — Нужно ее переделать. Если я спрячусь в этой ловушке, орел, конечно, меня увидит и улетит!

Старик засмеялся.

— Я знал, что ты это скажешь, — проговорил, он. — Подойди к самому краю ловушки и посмотри вниз.

С этими словами он просунул в дыру свое белое кожаное одеяло, и хотя я смотрел во все глаза, но не видел ничего, кроме травы, покрывавшей настил.

— Что же это значит? — воскликнул я. — Я ничего не понимаю. Почему все просветы и дыры исчезают, если смотришь на крышу сверху?

Старик снова расхохотался.

— Просветы остались, но ни ты, ни орел их не увидите, потому что наверху светло, а в яме полутьма. Если же ты смотришь на крышу снизу, свет просачивается во все отверстия, и можно разглядеть каждую палку, каждый пучок травы. Не забудь, что орел ночью и даже в сумерках ничего не видит; любит он солнце и яркий дневной свет. А теперь принеси мне одеяло и поедем домой.

Снова я полез в ловушку, взял одеяло и, подняв голову, увидел старика, который стоял у самого края ямы.

— Ты меня видишь? — крикнул я.

— Нет, конечно, не вижу! — ответил он.

Я выкарабкался из ямы. Теперь я был уверен, что орел меня не увидит. И все-таки я не понимал, почему снизу настил кажется сквозным, а сверху просветов не видно. Всю дорогу я об этом думал.

Когда готова была яма и набито чучело волка, я должен был в течение четырех дней петь священные песни, какие поют все ловцы орлов перед тем, как спуститься в ловушку. Этих песен я не знал, но Красные Крылья научил меня их петь, а затем вместе со мной отправился в лес, где я принес в жертву Солнцу пару красивых мокасинов.

На четвертый день вечером старик приказал поставить «вигвам для потения». Вместе со мной

потел он сам, а также и другие жрецы Солнца; все мы пели священные песни, а Красные Крылья снял покровы с Трубки Грома.

На следующее утро я проснулся на рассвете и оседлал двух лошадей — для себя и для Красных Крыльев, который вызвался меня проводить. Поджидая его, я, как приказал мне старик, отдал распоряжения матери и бабушке.

— Женщины, я иду ловить орлов, — сказал я им. — Пока я не вернусь, вы не должны прикасаться ни к шилу, ни к игле, ни к шиповнику. Ничего острого и колючего не берите в руки, если не хотите, чтобы орел вонзил в меня свои острые когти. И думайте обо мне все время.

Когда я умолк, мать заплакала, кивнула головой и ни слова не могла выговорить, а бабушка громко сказала:

— Ступай и будь спокоен: мы тебя не ослушаемся. А когда спустишься в ловушку, моли богов, чтобы они наделили тебя мудростью, которой тебе не хватает. Если ты вернешься отмеченный черной смертью, случится это не по нашей вине.

— О, какой у тебя злой язык! — воскликнула мать. — Жестокая ты женщина.

— Не жестокая, а мудрая. Я желаю ему добра, — сердито проворчала старуха.

Меня окликнул Красные Крылья. Он уже вскочил на лошадь и положил себе на колени чучело волка. Мы выехали из долины и к восходу солнца были на вершине горы. К востоку от нас парили в синеве четыре орла. Старик сказал, что это добрый знак, а четыре — священное число. Набитому травой волку он надрезал шкуру на боку и засунул туда большой кусок бизоньей печенки, а затем положил чучело на настил. Когда я спустился в ловушку, он старательно прикрыл палками и травой дыру, в которую я пролез, и, дав мне последний совет, удалился, ведя на поводу мою лошадь. Он обещал мне вернуться к вечеру.

Оставшись один, я лег на спину и стал смотреть в просветы на синее небо. Как был я счастлив! Как хотелось мне, чтобы Одинокий Человек и другие жрецы племени каина видели меня сейчас! Они гово рили, что лишь по прошествии многих зим мог я стать ловцом орлов, а я добился своего за одно лето, да и лето еще не прошло! Я постился и закалил свое тело, в битве с врагами я доказал, что мог побороть страх, я прошел через все испытание и с помощью доброго старика стал ловцом орлов.

Высоко над горой парили четыре орла. Я мурлыкал песню Древнего Волка, и весело было у

меня на душе.

Когда солнце стояло на небе, у меня шевельнулись опасения, что, пожалуй, ни один орел не спустится к чучелу волка. Я старался себя успокоить, припоминая слышанные мною рассказы ловцов. Случалось, что они по нескольку дней проводили в ловушке, поджидая птицу. Но меня это не утешило; мне хотелось сегодня же поймать орла. Я чувствовал, что не могу с пустыми руками вернуться в лагерь. Потом я представил себе, как спускается орел к набитому травой волку; я высматривал дыру, в которую удобно было бы просунуть руки, чтобы схватить его. Но что, если я его не удержу? Что, если ударит он меня клювом или вонзит в мою руку когти? Ловля орлов казалась мне легким делом, и только теперь увидел я, как это трудно и опасно. А как мучительно было ждать! Я понял, почему так мало у нас ловцов: они не могли вынести ни напряженного ожидания в яме, ни страшных мыслей о когтях и клюве орла. Смело шли они в бой и не боялись смерти, но птица внушала им страх. «Быть может и я не выдержу испытания, — мелькнуло у меня в голове. — Быть может Красные Крылья ошибается, считая, что меня ждет победа».

Было после полудня, когда взглянув на небо, я

увидел орла, летящего к горе. Я боялся, что он не опустится на чучело волка. Мне очень хотелось встать, но я вспомнил наставления Красных Крыльев, который советовал лежать неподвижно, пока орел не начнет клевать печень.

Казалось мне, прошло много времени, и я решил, что орел насытился мясом бизона или антилопы, убитой нашими охотниками, и волк его не привлекает, я не знал, что делать, чтобы заманить его к ловушке. Вдруг раздался громкий шум: рассекая воздух, орел падал с высоты. Шум замер; я не видел птицы и подумал, что она спустилась на равнину. Но я ошибся. Показалась черная тень, и через секунду-другую орел вступил на настил и вспрыгнул на чучело волка.

Теперь я видел его ясно: он высоко держал голову, осматриваясь по сторонам. Потом он склонил голову набок и посмотрел вниз, на печенку, которая торчала из разреза. Он вонзил в нее клюв, оторвал кусок и проглотил его; еще раз осмотрелся он по сторонам и тогда только стал жадно клевать печень. По-видимому, он был очень голоден. Я знал, что мешкать не следует. Волновался я не меньше, чем при стычке с врагом моим ассинибойном. Стараясь не шуметь, я встал и, сгорбившись, стоял как раз под орлом.

Он повернулся ко мне хвостом.

Вспомнил я совет Красных Крыльев. «Если не хочешь, чтобы орел расцарапал тебе руки когтями, хватай его за верхние суставы лап», — говорил мне старик. Медленно просунул я руки в отверстие между двумя палками и, вдруг подпрыгнув, попытался схватить орла за лапы. Он рванулся, но я успел зажать средние суставы его лапы. Огромными крыльями рассекая воздух, он едва не оторвал меня от земли, а я тянул его вниз. Провалилась крыша, и на вытянутые мои руки упало чучело волка. Орел старался клюнуть меня в лицо, но защитил меня волк, лежавший на моих руках. Не разжимая рук, я упал ничком на земляной пол ловушки и увлек за собой орла. Он рвался, взмахивал крыльями, но скоро выбился из сил и припал грудью к земле. Я придавил его обоими коленами и налег на него всем телом; он начал задыхаться, крылья его затрепетали, голова поникла; еще секунда — и он был мертв! Я выбросил его из ямы, вылез сам и запел победную песню. Потом уселся я на землю и стал разглаживать взъерошенные крылья птицы. До вечера было еще далеко, и я решил не ждать Красных Крыльев. Достав из ямы ружье, я взвалил орла на спину и побежал домой.

Как мне хотелось, приплясывая и распевая песни, пройти через весь лагерь! Но я вспомнил ловца орлов Одинокого Человека и поборол свое желание. Спокойно и величественно проходил он меж вигвамов, неся за спиной орла, и я решил следовать его примеру. Все встречные осыпали меня похвалами. Воины останавливали меня и любовались орлиным хвостом. Им очень хотелось его купить, но я сказал, что сейчас не собираюсь его продавать. Наконец, подошел я к своему вигваму, и навстречу мне выбежали моя мать и Красные Крылья, который уже собрался ехать за мной к горе. Вернулась из лесу бабушка, ездившая за хворостом. Увидев орла, она обняла меня и стала выкрикивать мое имя, словно я совершил великий подвиг.

Так начал я ловить орлов. В долине реки Стрела я поймал еще четырех орлов, а потом мы перебрались к Желтой реке и раскинули лагерь у подножия Желтых гор. Эти горы названы были Желтыми много лет назад, когда наше племя нашло здесь желтую землю.

В долине Желтой реки и в горах и на равнинах по обеим ее сторонам водилось много дичи. Выехав на охоту, я убил бизона, оленя и лося и на много дней обеспечил мясом и свою семью

и семью Красных Крыльев. Теперь можно было подумать и о ловле орлов. На следующий день я начал рыть яму на вершине высокого лагеря. Через три дня яма и крыша были готовы. Затем я в течение четырех дней постился, на четвертый день вечером потел в «вигваме для потения», а на следующее утро отправился к ловушке, захватив с собой чучело волка, в которое засунул кусок бизоньей печенки.

Когда я уходил из лагеря — шел я пешком, неся на плече волка, — Нипока заскулил: ему хотелось идти со мной. «Не взять ли его?» — подумал я. Услышав мой зов, он бросился ко мне и стал прыгать, стараясь лизнуть меня в лицо. Я прошел через весь лагерь, волчонок бежал за мной по пятам. В свободное время я возился с ним, учил его лежать неподвижно, пока я не свистну, и теперь он слушался меня беспрекословно. Боялся он всех людей, кроме моей матери, бабушки и меня; даже к Красным Крыльям он не мог привыкнуть, хотя старик часто к нам наведывался. Когда кто-нибудь чужой входил в наш вигвам, Нипока подползал ко мне или к моей матери, если меня не было дома, и не отходил от нас, пока гость не уходил из вигвама.

Я взобрался на гору, спустился вместе с Нипо-

кой в ловушку и заложил палками и травой дыру, в которую пролез. Расстелив на земле одеяло, я велел волчонку лечь, и он скоро заснул, но спал недолго. Вдруг я увидел, как он поднял голову и потянул носом воздух, потом вскочил и шерсть на спине его встала дыбом. Беспокойно переминался он с ноги на ногу, посматривая на стены ловушки, словно хоте отсюда удрать. Я вспомнил, что точно так же волнуется он, когда кто-нибудь подходит к нашем вигваму. «Он почуял запах человека, и этот человек — мой враг», — подумал я. Все наши охотники знали, что я подстерегаю орлов на вершин этой горы, и не стали бы меня тревожить.

Схватив ружье, я встал, осторожно раздвинул палки и высунул голову из ямы. Я забыл сказать, что горный хребет порос лесом, но ловушка находилась на открытой поляне. По этой поляне ползли на четвереньках два человека, прячась в высокой траве; шагов пятьдесят отделяло их от меня. Медленно-медленно поднял я ружье, прислонил ствол к краю настила, прицелился в человека, который полз впереди, и выстрелил. Человек вскрикнул, вскочил, поднял обе руки и упал на спину; товарищ его тоже вскочил, посмотрел на убитого и обратился в бегство. Он

скрылся в лесу раньше, чем я успел снова зарядить ружье; я заметил, что ружья у него не было — в руках он держал лук и щит.

Я почти не сомневался в том, что убил враг наповал, но все же не хотел рисковать. Нипока царапал мне когтями ногу, ему хотелось выбраться из ямы: он знал, что после выстрела всегда достается и на его долю кусок мяса. Зарядив ружье, я взял волчонка на руки и выпустил его на волю; он отбежал на несколько шагов, потом остановился, пес тянул носом воздух и повернулся к ловушке.

Человек, скрывшийся в лесу, был не опасен, так как стрелы его не могли до меня долететь. Я вылез из ямы и, стоя на четвереньках, посмотрел на рас простертого воина. Кусты заслоняли его от меня и я мог разглядеть только ноги, обутые в мокасины Тогда я встал и увидел, что враг мой лежит на спине, вытянув одну руку. Он был мертв — в этом я не сомневался. Подбежав к нему, я схватил его лук и колчан из шкуры выдры, снял висевшую у него за спиной коробку с боевым нарядом и поднял щит, лежавший в кустах. Убитому было зим тридцать, и я заметил, что он очень красив. Волосы его были заплетены в косы, а на макушке подстрижены. Я слыхал, что так причесываются индейцы из племени кроу.

Я не знал, как очутились здесь эти двое, и принял их за разведчиков, высланных большим отрядом кроу, который находился где-нибудь неподалеку и вот-вот выйдет из леса. Захватив вещи убитого воина, я побежал домой и на полпути встретил охотника из нашего лагеря. Когда я рассказал ему о происшествии на горе, он предложил мне сесть на его лошадь. Прискакав в лагерь, мы оповестили воинов о том, что в окрестностях рыщет военный отряд кроу. Нипока, не отстававший от меня, вбежал в наш вигвам и спрятался за моим ложем; его испугала суматоха, поднявшаяся в лагере.

Я отдал матери трофеи и рассказал о встрече с кроу. Потом я ускакал с нашими воинами. До поздней ночи рыскали мы по равнинам, но не нашли никаких следов кроу. Бесследно скрылся и тот воин, который убежал от меня в лес. На обратном пути я взял чучело волка, так как твердо решил никогда больше не ловить орлов на этой горе.

Ночью в вигваме Одинокого Ходока собрались старейшины, и я должен был рассказать им обо всем, что произошло на горе. Не забыл я упомянуть и о Нипоке. Не будь его со мной, воины кроу подкрались бы к ловушке и застигли бы меня

врасплох.

На следующий день я начал рыть новую яму на вершине горы к северу от нашего лагеря. Много орлов поймал я в этой ловушке. Счастье улыбалось мне: ни разу не удалось орлам расцарапать мне руки или поранить меня.

Настал месяц Спелых Ягод. Как-то вечером я поздно вернулся домой. Бабушка выбежала мне навстречу, обняла меня и, плача и смеясь, сказала, что племя каина приближается к долине Желтой реки, завтра будут они здесь и вместе с нами начнут строить вигвам, посвященный Солнцу. И тогда, сказала бабушка, жрецы каина дадут мне новое имя.

Это была добрая весть. Наши охотники встретили в долине Волчьей реки охотников из лагеря каина и узнали, что племя переселяется к Желтой реке.

На следующее утро я вернулся к ловушке и взял чучело волка, зная, что теперь не скоро придется мне ловить орлов. Поздно вечером приехали каина. Радостной была встреча двух племен. Бабушка моя много времени проводила у каина, и в наш вигвам забегали старые ее подруги.

Двадцать женщин пикуни и столько же женщин каина дали обет Солнцу построить свя-

щенный вигвам. Когда вигвам был возведен, я подвесил к шесту боевой наряд, который взял у воина кроу, и принес его в жертву Солнцу. Затем решил я в честь Солнца истязать свое тело. Черной краской намазал я себе лицо и расплел косы. Красные Крылья сделал на моей спине два продольных надреза и под полоской кожи между надрезами продернул конец ремня, который обвязал вокруг полоски. К другому концу был привязан череп бизона. В течение двух дней я постился и ходил вокруг священного вигвама, волоча за собой череп. Спина моя горела, словно ее прижигали огнем; от страшной боли я терял сознание. К вечеру второго дня полоска кожи разорвалась, и я был свободен. Я так ослабел, что не мог стоять. Мать и бабушка отнесли меня в наш вигвам и дали мне поесть. По желанию Красных Крыльев, я должен был на следующий день перечислить в присутствии воинов и старшин все совершенные мною подвиги.

Я перечислил их в полдень. Начал с того, как я убил медведя, а закончил рассказом о встрече с воином кроу. Мужчины и женщины воспевали мне хвалу, а барабанщики били в барабаны. Я умолк и почувствовал, что дрожу всем телом; от похвал кружилась у меня голова. Выступил впе-

ред старый слепой Горный Вождь, жрец племени каина. Это был тот самый старик, который говорил мне, что ловцы орлов дали клятву хранить свою тайну.

— Славный воин, отомстивший за смерть наших сыновей! — воскликнул он. — Я даю тебе новое имя! Старое Солнце, ловец орлов, молю богов, чтобы ты дожил до глубокой старости!

И все стали выкрикивать мое имя, новое мое имя! А громче всех кричала бабушка и ее подруги — старухи из племени каина. Встала жена Красных Крыльев и подала мне выдубленную шкуру белого бизона, на которой нарисовано было большое Солнце. Я понес эту шкуру в священный вигвам и в присутствии вождей, жрецов и старшин каина и пикуни повесил ее на шест, принося в дар Солнцу. О, как были мы счастливы в тот день!

Зиму мы провели на южных равнинах; я ловил орлов и только в очень холодные дни не выходил на ловлю. Перья из орлиных хвостов я обменивал на лошадей и бобровые шкурки. А весной сбылась моя мечта: в форт Длинных Ножей я въехал на быстром коне, а за мной ехали мать и бабушка, погоняя лошадей, нагруженных мехами и шкурами.

Я уплатил долг Длинноволосому, потом повел моих женщин в комнату, где хранились товары, и следил за тем, как они отбирали нужные им вещи.

Так началась для меня новая жизнь. В продолжение многих зим я кочевал по равнинам вместе с племенем пикуни, охотился, сражался с нашими врагами и ловил орлов.